

СЬЮЗАН ДЕННАРД

ВЕДЬМА ПРАВДЫ

ФИНАЛИСТ
ПРЕМИИ LOCUS!

Ведовской дар

Сьюзан Деннард

Ведовской дар. 1. Ведьма правды

«РОСМЭН»

2025

Деннард С.

Ведовской дар. 1. Ведьма правды / С. Деннард — «РОСМЭН»,
2025 — (Ведовской дар)

ISBN 978-5-353-11695-0

В мире магии, ведьм и колдунов величайшим даром остается свобода... Сафи обладает редкой среди ведьм способностью: она умеет отличать правду от лжи. Многие хотят использовать ее силу в своих целях, особенно в преддверии войны между тремя могущественными империями. Но все, чего хочет сама Сафи, – свобода. Как ее сохранить, когда по твоему следу идет свирепый колдун крови, у которого свои мотивы в этой политической игре?

ISBN 978-5-353-11695-0

© Деннард С., 2025

© РОСМЭН, 2025

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	11
Глава 3	16
Глава 4	24
Глава 5	31
Глава 6	38
Глава 7	43
Глава 8	53
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Сьюзан Деннард

Ведовской дар

1. Ведьма правды

© Susan Dennard, 2025. All Rights Reserved

© ООО «РОСМЭН», 2025

Перевод с английского Натальи Алексеевой

Иллюстрация на обложке Dugguh

* * *

Данное издание является художественным произведением и не пропагандирует совершение противоправных и антиобщественных действий, употребление алкогольных напитков. Употребление алкоголя вредит вашему здоровью. Описания и/или изображения противоправных и антиобщественных действий обусловлены жанром и/или сюжетом, художественным, образным и творческим замыслом и не являются призывом к действию.

Моей повязанной сестре, Саре

Глава 1

Все шло наперекосяк.

Ни один пункт плана, наспех составленного Сафией фон Гасстрель, не сработал так, как надо.

Во-первых, черная карета со сверкающим над ней золотым штандартом не была целью ограбления, которую наметили Сафи и Изольда. Что еще хуже, эту карету окружали городские стражники. Они шли, жмурясь под полуденным солнцем, по четыре человека в ряд, и так целых восемь рядов.

Во-вторых, у Сафи и Изольды не осталось путей отхода. Внизу, под известняковым выступом, виднелась пыльная дорога – единственный путь в город Веньясу. Обзор с выступа скалы ограничивался этой дорогой, а с нее открывался чудесный вид на бесконечное бирюзовое море. Скала представляла собой семидесятифутовый утес, открытый всем ветрам, и о него разбивались высокие волны.

И в-третьих – вот уж точно удар по почкам, – стоило кому-то из стражников наступить на ловушку, подготовленную девушками, заряды сразу бы рванули... И стражники тут же принались бы прочесывать каждый дюйм утеса.

– Адские врата, Из! – Сафи опустила подозрную трубу. – В каждом ряду по четыре стражника. Восемь рядов по четыре, это... – девушка нахмурилась, – *пятнадцать, шестнадцать, семнадцать...*

– Тридцать два, – мягко подсказала Изольда.

– Тридцать два, трижды ад их поberi, стражника с тридцатью двумя, трижды ад их поberi, арбалетами.

Изольда лишь кивнула и откинула капюшон коричневого плаща. Солнце осветило ее лицо. Девушка выглядела полной противоположностью Сафи: черные, как вороново крыло, волосы вместо пшеничных прядей Сафи, бледная, словно луна, кожа вместо загорелой, как у Сафи, и карие глаза вместо голубых.

И этими самыми карими глазами Изольда смотрела на Сафи в упор, пока доставала собственную подозрную трубу.

– Не хочу говорить «я же говорила...».

– Вот и не надо.

– Но, – продолжила Изольда, – все, что он наплел тебе прошлым вечером, оказалось враньем. Он точно *не* собирался всего лишь переброситься в картишки. Он точно *не* собирался выехать из города по северной дороге на рассвете. – Изольда разогнула два пальца, затянутые в перчатку. – И готова поспорить, – сказала она и разогнула третий палец, – его *даже* не звали Кейден.

Кейден. Если... нет, *когда* Сафи найдет господина Хитрого Хлыща, она переломает каждую косточку на его точеном личике.

Сафи застонала и стукнулась лбом о камень. Она потеряла из-за него все деньги. То есть *абсолютно все*.

Прошлым вечером – чуть ли не впервые в жизни – Сафи поставила на кон в карточной игре накопленные тяжелым трудом сбережения – свои и Изольды. И чуть ли не впервые она все потеряла. Не зря же в народе говорят: *«Нельзя обыграть ведьму правды»*.

Всего *один выигрыш* в игре картами таро с неслыханно высокими ставками, и у Сафи с Изольдой наконец-то появилось бы собственное жилье в Веньясе. Изольде больше не пришлось бы ютиться на чердаке, а Сафи – в гостевой комнате гильдмейстера Аликса.

Но Госпожа Судьба распорядилась иначе. Изольда не смогла присоединиться к Сафи – сложности с ее происхождением не позволяли переступить порог трактира, где шла игра. А без своей повязанной сестры Сафи была склонна... *ошибаться*.

Особенно когда дело касалось обладателей крепких челюстей и хорошо подвешенных языков, что без усталости сыпали Сафи комплиментами. Именно таким удавалось обойти ее чутье на правду.

Она на самом деле не почуяла ни капли лжи в крови Хитрого Хлыща, когда он сгребал со стола свой выигрыш... Или когда Хитрый Хлыщ подхватил ее под руку и увлек в теплый мрак ночи... Или когда он наклонился, чтобы запечатлеть на ее щеке невинный, но такой *горячий* поцелуй.

«В жизни больше не сяду за карточный стол, – мысленно поклялась Сафи, постукивая каблуком по камням. – И флиртовать больше не буду».

– Если мы собираемся сбежать, – сказала Изольда, по-своему истолковав ее задумчивость, – надо это сделать до того, как сработает ловушка.

– Даже не начинай, – отрезала Сафи и посмотрела на свою повязанную сестру.

Та наблюдала через подзорную трубу за стражниками. Ветер играл с черными прядками, выбившимися из косы. Где-то вдалеке раздался пронзительный крик чайки.

Сафи ненавидела чаек, вечно их помет оказывался в волосах.

– Еще стражники, – негромко произнесла Изольда, и шум волн почти заглушил ее слова. Она повторила их, отчетливо и громко: – Еще двадцать стражников двигаются с севера.

На мгновение у Сафи перехватило дыхание. Значит, даже если они с Изольдой каким-то чудом смогут разобраться с тридцатью двумя стражниками, еще двадцать набросятся на них при первой же попытке сбежать.

Легкие Сафи снова заработали, но вместо воздуха их наполняла ярость, а на языке у девушки вертелись самые страшные проклятия.

– Выбор у нас небольшой, – сказала Изольда, отступая от края скалы поближе к Сафи. – Либо мы сдаемся...

– Только через гниющий труп моей бабушки! – отрезала Сафи.

– Либо нам надо спуститься к стражникам до того, как они наступят на ловушку, и нагло пройти мимо них.

Сафи посмотрела на Изольду. Ее лицо казалось бесстрастным, как всегда. Пустым. Единственное, что выдавало в ней напряжение, это подергивающийся кончик носа.

– Когда все закончится, – добавила Изольда, пряча лицо под капюшоном плаща, – вернемся к первоначальному плану. А сейчас надо спешить.

Сафи не нужно было поторапливать, она уже была готова нестись вперед, но держалась и не перечила своей повязанной сестре. Все-таки Изольда уже в который раз спасала их шкуры.

Кроме того, если бы Сафи пришлось выслушать ее очередную отповедь «я же говорила», она бы точно придушила подругу и сбросила ее тело вниз, на корм крабам.

Изольда ступила на каменистую дорогу, Сафи последовала за ней, поднимая клубы пыли, но тут девушку осенило.

– погоди, Из. – Сафи в одно мгновение скинула плащ и под короткое «вжик» быстрым движением ножа срезала с него капюшон. – Нам нужны юбки и платки. Так мы будем походить на крестьянок, и на нас даже не посмотрят.

Глаза Изольды сузились, она присела.

– Но тогда лица окажутся на виду. Надо намазаться грязью, и побольше.

Пока Изольда натирала кожу придорожной грязью так, что та стала казаться смуглой, Сафи пристроила капюшон на волосах и обернула плащ вокруг ног. Она затянула ремень вокруг талии, постаралась спрятать в складках юбки ножны и вслед за подругой принялась усердно натирать щеки.

Меньше чем через минуту обе девушки были готовы. Сафи внимательно осмотрела Изольду – маскировка вполне удалась. *Определенно* удалась. Ее повязанная сестра выглядела как крестьянка, которая отчаянно нуждается в ванне.

Сафи с Изольдой осторожно выглянули из-за выступа скалы. У Сафи снова перехватило дыхание, но она заставила себя дышать ровно, словно ничего не происходило. До ловушки стражникам оставалось сделать тридцать шагов.

Девушка небрежно махнула рукой усатому охраннику, который шел впереди. Тот поднял руку, и остальные стражники резко остановились. Один за другим все тридцать два арбалета оказались направлены на девушек.

Сафи сделала вид, что ничего не заметила, а когда дошла до кучи серых камешков, которыми сама отметила ловушку, аккуратно перешагнула ее. Позади нее такой же почти незаметный маневр проделала Изольда.

Тогда усатый мужчина – явно главный – поднял свой арбалет.

– Стоять!

Сафи подчинилась, позволив ногам остановиться, но при этом начала суетливо топтаться на месте.

– Онья? – спросила она.

На аригуанском это значило «Да?». Раз уж они решили изображать крестьянок, то будут крестьянками-чужестранками.

– Говорите на дальмоттийском? – спросил стражник, переводя взгляд с Сафи на Изольду. Изольда неуклюже остановилась рядом с Сафи.

– Гаварить. Немного.

Худшей имитации аригуанского акцента Сафи еще не слышала.

– Мы... Проблема? – Сафи подняла руки в универсальном жесте, показывающем готовность подчиниться. – Мы идем в город. Веньяса.

Изольда натужно раскашлялась, и Сафи снова захотелось ее придушить. Понятно же, почему в их дуэте обычно Из срезала кошельки, а Сафи служила приманкой. Ее повязанная сестра *всегда* была никудышной актрисой.

– Мы хотим найти лекаря, – поспешила сообщить Сафи, пока Изольда не зашлась в новом приступе ненатурального кашля. – Мы боимся, это чума. Наша матушка умерла... Она так кашляла, брр... В конце сильно кашляла. Много крови...

– Чума? – переспросил стражник.

– Ага, – закивала Сафи. – Моя сестра. Она тоже болеет, сильно.

Изольда снова начала кашлять, но на этот раз вполне достоверно, Сафи даже вздрогнула от неожиданности. Она наклонилась к подруге.

– Тебе нужен лекарь, очень. Пойдем, твоя сестра тебе поможет.

Стражник повернулся к остальным, но те уже расступались, пропуская девушек. Он заорал:

– Встать в строй! Продолжить движение!

Под ногами захрустел гравий, ноги солдат снова принялись отбивать ритм. Девушки двинулись вперед мимо стражников, которые брезгливо морщили носы. Похоже, никому не хотелось связываться с «чумной» Изольдой.

Сафи как раз тащила подругу мимо черной кареты, когда ее дверца распахнулась. Наружу высунулся дряхлый старик в багровом одеянии. Казалось, что складки его морщин колыхаются на ветру.

Это был глава Золотой гильдии, человек по имени Йотилуцци, которого Сафи видела издали – не далее как вчера вечером – в трактире, где шла игра.

Однако старый гильдмейстер явно не узнал Сафи. Бегло оглядев девушек, он с усилием скомандовал шелестящим, как камыш на ветру, голосом:

– Аэдуан! Убери подальше от меня этот мусор!

У заднего колеса кареты материализовалась фигура в белом. Порыв ветра распахнул плащ, под которым показалось оружие – нож, висевший на поясе, и меч на перевязи. Лицо парня осталось скрытым под капюшоном.

Это был монах ордена Кар-Авена. Их учили убивать с самого детства.

Сафи замерла и, почти не думая, отпустила руку Изольды, приготовившись к нападению. Изольда заняла позицию у нее за спиной. Кто-то из стражников вот-вот наступит на ловушку, так что им следовало быть готовыми ко всему. *Начала – заканчивай.*

– Аритуанки, значит, – произнес монах. Его голос звучал хрипло, но не из-за возраста, а из-за того, что парню явно редко доводилось участвовать в переговорах. – Из какой деревни?

Он шагнул в сторону Сафи.

Ей пришлось сделать усилие над собой, чтобы не струсить и не отступить. Ведовской дар, чутье на правду, вырвался наружу. Крайне неприятное ощущение, как будто кто-то драл ногтями спину.

Дар проявился не из-за его слов, а, скорее, из-за самого его присутствия. Монах был совсем молодым, но в нем ощущалось *нечто*. Нечто безжалостное, слишком опасное, чему не следовало доверять.

Он откинул капюшон, открыв бледное лицо и коротко остриженные каштановые волосы. Монах принялся, и в его зрачках вспыхнули алые огоньки.

Желудок Сафи сжался и превратился в камень.

Колдун крови.

Этот монах был колдуном крови. Существом из древних легенд. Говорили, что такие, как он, могли унюхать в крови человека любой ведовской дар и преследовать его обладателя хоть через весь континент.

Если он уловил что-то в запахе Сафи и Изольды, они точно окажутся в глубокой, глубокой...

Хлоп-хлоп-хлоп!

Это взорвался заложенный в ловушку порох. Кто-то из стражников наступил на нее.

Сафи действовала мгновенно – как и монах. Его меч вылетел из ножен, ее нож – из-под плаща. Лезвие ударило о лезвие, девушка едва успела отбить удар.

Парень собрался и сделал выпад. Сафи отступила. Она чуть не споткнулась об Изольду, но та мгновенно опустилась на колени, и Сафи перекатилась через спину подруги на другую сторону.

Начала – заканчивай. Именно так они сражались. Именно так выживали.

Сафи завершила сальто и вытянула спрятанный меч как раз в тот момент, когда звякнули и вырвались на свободу два серпа – изогнутые клинки Изольды, похожие на серебряные полумесяцы. Где-то впереди раздалось еще несколько взрывов. Поднялся гвалт, лошади лягались и ржали.

Изольда почти достала до живота монаха. Он отпрыгнул назад и вскочил на колесо кареты. Сафи надеялась получить передышку, но монах атаковал ее сверху.

Он был хорош. Лучший воин из тех, что ей встречались.

И все же Сафи и Изольда были лучше.

Сафи ушла из-под удара, и в тот же момент на пути монаха оказалась Изольда. Ее клинки, как стальной смерч, обрушились на руки, грудь и живот парня, и девушка тут же унеслась прочь.

Сафи замерла. Она смотрела на то, что никак не могло происходить, но чему была свидетельницей: раны на теле монаха затягивались прямо у нее на глазах.

Теперь не оставалось никаких сомнений – он был, трижды ад его побери, настоящим колдуном крови из самых мрачных кошмаров Сафи.

Поэтому она сделала единственное, что смогла придумать: метнула свой нож прямо в грудь монаха.

Клинок пробил грудную клетку и вошел глубоко в сердце. Монах сделал шаг вперед, его колени подкосились, и парень впился взглядом покрасневших глаз в Сафи. Губы его скривились. С невнятным рыком монах выдернул нож из груди, и из раны хлынула кровь...

И тут же рана начала затягиваться.

Но у Сафи не было времени на еще один удар. Стражники выстроились и подняли арбалеты. Гильдмейстер заверещал в глубине кареты, и лошади понеслись бешеным галопом. Изольда оказалась перед Сафи, изогнутые клинки летали в воздухе, отбивая стрелы. На короткое мгновение карета заслонила девушек от охраны, их мог видеть только колдун. Он потянулся за ножом, но оказался слишком медленным – похоже, все его силы уходили на магию исцеления.

И тем не менее он улыбался – *улыбался* – так, будто знал что-то, чего не знала Сафи. Как будто собирался преследовать ее и заставить заплатить за все.

– Уходим! – закричала Изольда, схватила Сафи за руку и потащила ее за выступ скалы.

По крайней мере эта часть должна была пойти по плану. Они так часто повторяли заранее подготовленный трюк, что могли проделать его с закрытыми глазами.

Как раз в тот момент, когда первые арбалетные стрелы вонзились в землю позади них, девушки добрались до валуна высотой в половину человеческого роста у самого края утеса.

Они быстро вложили клинки в ножны. В два прыжка Сафи забралась на камень, Изольда последовала за ней. Где-то внизу, из увенчанных белыми барашками пены волн, торчал камень.

Две веревки, закрепленные на вкопанных в землю крюках, ожидали своего часа. Очень быстро – куда быстрее, чем обычно – Сафи сунула ногу в петлю, схватилась за узел, завязанный на уровне головы...

И прыгнула.

Глава 2

Ветер свистел в ушах и заполнял ноздри, пока Сафи неслась вниз... напрямиком в волны... прочь от семидесятифутового утеса.

И тут веревка закончилась. Резкий рывок отозвался во всем теле и особенно в ободранных ладонях, и Сафи влетела в заросший ракушками камень, торчавший из волн.

Это было довольно неприятно.

Она грохнулась на него, прикусив зубами язык. Сильная боль пронзила тело, известняк царапал руки, лицо, ноги. Девушка изо всех сил цеплялась за камень, и тут позади приземлилась Изольда.

– Гори! – велела она.

Заклинание было почти не слышно из-за шума волн, но оно пробудило магию, скрытую в веревке. Вспыхнули белые огоньки и понеслись вверх, да так быстро, что взгляд не успевал за ними...

И веревка исчезла. Ветер развеял пепел, только немного золы осело на головах и плечах девушек.

– Осторожно! – крикнула Изольда, прижимаясь к утесу.

Сверху на девушек летели арбалетные стрелы. Несколько штук отскочило от камня, остальные вонзились в морскую гладь и утонули.

Одна из стрел разорвала юбку Сафи. Ей удалось упереться ступнями в выступы на камне и, хватаясь за поверхность руками, вскарабкаться наверх. Каждая мышца дрожала от напряжения, но девушки смогли укрыться под небольшим выступом.

Теперь можно было, *наконец*, передохнуть – они могли спокойно наблюдать, как стрелы продолжали падать сверху, не причиняя вреда.

Камень был мокрым, покрывавшие его ракушки – острыми, а волны доходили до лодыжек. Соленые капли оседали на лице и одежде. Внезапно ливень из арбалетных стрел прекратился.

– Они уходят? – прошептала Сафи на ухо Изольде.

Изольда покачала головой:

– Они рядом. Я все еще чувствую их связующие нити.

Сафи несколько раз моргнула, пытаясь избавиться от соли в глазах.

– Придется плыть, верно? – Она потерлась лицом о плечо, но это не помогло. – Как думаешь, хватит сил доплыть до маяка?

Обе девушки были отличными пловчихами, но это не имело значения: при таком сильном течении и дельфина бы потрепало изрядно.

– Выбора нет, – ответила Изольда. Она смотрела на подругу с решимостью, которая всегда придавала сил самой Сафи. – Нужно бросить юбки подальше – влево. Пока стражники будут стрелять в них, мы нырнем вправо.

Сафи кивнула и, поморщившись от боли, размотала плащ, который прежде заменял ей юбку. Когда обе девушки избавились от промокших тряпок, Изольда приготовилась к броску.

– Готова? – спросила она.

– Готова, – кивнула Сафи.

Первый коричневый комок ткани взлетел в воздух, второй последовал за ним.

А девушки одновременно спрыгнули с камня и исчезли под водой.

Пока Изольда-из-мидензи освобождалась от пропитанных соленой водой рубахи, сапог, штанов и, наконец, нижнего белья, боль усиливалась. Под каждой снятой полоской ткани обна-

руживался десяток порезов и царапин, оставленных известняком и ракушками, а при очередном порыве ветра начинала ныть еще дюжина.

Этот древний полуразрушенный маяк годился как убежище, но только на время прилива. А потом тут будет небезопасно. Но пока вода доходила до груди, хотелось надеяться, что и глубина, и грохот волн, отделявшие маяк от болотистого берега, скроют девушек от колдуна крови.

Внутри это строение по размеру было не больше, чем спальня Изольды на чердаке над кофейней Мэтью. Солнечный свет проникал сквозь покрытые водорослями окна, а ветер заносил морскую пену в арочную дверь.

– Прости меня, – глухо произнесла Сафи из-под промокшей рубахи.

Наконец она полностью выпуталась из одежды и швырнула ее на подоконник. Обычно смуглая кожа Сафи побледнела на фоне веснушек.

– Не извиняйся. – Изольда собирала брошенную одежду. – Начнем с того, что это я сказала тебе об игре.

– Так и есть, – ответила Сафи дрожащим голосом.

Она прыгала на одной ноге, пытаясь избавиться одновременно и от штанов, и от сапог. Изольда про себя отметила, что подруга вечно так делает, и в очередной раз удивилась тому, что девушке, дожившей до восемнадцати лет, не хватает терпения, чтобы нормально раздеться.

– Но именно *мне* захотелось переехать в комнаты получше. Если бы мы купили тот домик две недели назад...

– Пришлось бы жить вместе с крысами, – перебила ее Изольда. Она нашла самый сухой и солнечный угол и перебралась туда. – Правильно, что тебе захотелось найти что-то еще. Может, обошлось бы дороже, но оно того стоило.

– «*Может*» – в этом-то и проблема. – С громким рычанием Сафи наконец избавилась от штанов. – Могло быть, но теперь нам в городе вообще нет места. Каждый стражник в Веньясе ищет нас. Не говоря о... – Сафи уставилась на сапоги и одним резким движением скинула правый. – ...О колдуне крови.

Колдун... крови... Колдун... крови...

Слова пульсировали в голове Изольды в такт биению ее сердца. В такт толчкам крови.

Изольда никогда раньше не встречала колдунов крови или вообще кого-то, чья магия произрастала из Пустоты. Они обитали исключительно в страшных сказках, то есть были ненастоящими. Они не охраняли гильдмейстеров и не пытались проткнуть тебя мечом.

Не то чтобы девушки часто устраивали набеги. Так, изредка, и грабили они исключительно тех, кто этого заслуживал.

Людей вроде тех двух подмастерьев, что испортили партию шелка у гильдмейстера Аликса и пытались свалить вину на Сафи.

Или вроде тех бандитов, что вломились в дом Мэтью, пока того не было в городе, и украли его столовое серебро.

Было еще четыре случая, когда игра в карты таро заканчивалась для Сафи драками и пропажей денег. Разумеется, следовало восстановить справедливость и в особенности следовало вернуть похищенное.

Однако сегодня им впервые понадобилось залезть в аварийный мешок за лекарствами.

Порывшись среди запасной одежды и курдюков с водой, Изольда нашла две тряпки и тюбик ланолина. Она подхватила брошенное оружие и потащила все обратно к Сафи.

– Давай почистим клинки и придумаем план. Мы должны как-то вернуться в город.

Сафи сняла второй сапог, взяла меч и нож. Обе девушки уселись со скрещенными ногами на грубый пол, и Изольда погрузилась в привычный запах оружейной смазки.

– А как выглядели нити колдуна крови? – тихо спросила Сафи.

– Не успела заметить, – ответила Изольда. – Все произошло слишком быстро.

Она с силой полировала сталь. Следовало защитить от ржавчины чудесные клинки, выкованные в империи Марсток, – подарок Габима, повязанного брата Мэтью.

В каменных руинах воцарилась тишина. Слышался шорох ткани по стали, пока девушки натирали клинки, да нескончаемый грохот волн Джадансийского моря. Изольда знала, что выглядит невозмутимой, но была абсолютно уверена, что ее нити окрасились во все оттенки страха, как и у Сафи.

Изольда была ведьмой нитей, а значит, не могла видеть свои собственные нити, как и нити других таких же колдуний.

Ей было девять, когда ведовской дар проявился впервые. Изольде тогда показалось, что сердце вот-вот взорвется и превратится в пыль. Она ощутила миллионы чужих связей. Всюду, куда ни глянь, были нити: они сплетались и расплетались, возникали и исчезали снова. И ни одна не была ее собственной. Она так и не смогла увидеть, как сама вплетается в этот мир.

Поэтому, подобно всем ведьмам нитей из народа номатси, Изольда научилась сохранять голову холодной, когда сердце пылало, а кончики пальцев – неподвижными, когда все тело дрожало. И не обращать внимания на эмоции, которым поддавались другие.

– Думаю, – произнесла Сафи, прервав задумчивость Изольды, – колдун крови знает, что я – ведьма правды.

Изольда замерла.

– И почему, – произнесла она твердым, как сталь в ее руках, голосом, – ты так решила?

– Из-за его улыбки. – Голос Сафи дрогнул. – Он почувал мой дар в крови и теперь, как в сказках, может выследить меня где угодно.

– То есть он может прямо сейчас охотиться на тебя.

По спине Изольды пробежал холодок, плечи напряглись. Она еще сильнее сжала клинок.

Обычно чистка оружия помогала обрести баланс. Мысли замедлялись, и девушка опять начинала размышлять здраво. Изольда была прирожденным тактиком, зато именно у Сафи появлялись идеи, служившие толчком к действиям.

Начала – заканчивай.

Вот только сейчас Изольда не была в состоянии предложить ни одного решения. Они с Сафи могли затаиться и бегать от городской стражи пару недель, но было невозможно скрыться от колдуна крови.

Особенно если он точно знал, как выглядит Сафи, и мог продать ее тому, кто больше заплатит.

Когда человек стоял прямо перед Сафи, она могла отличить правду от лжи, реальность от иллюзии. И насколько удалось выяснить Изольде во время занятий с Мэтью, последняя зарегистрированная ведьма правды умерла сто лет назад – ее обезглавил император Марстока за сотрудничество с королевой Карторры.

Если о даре Сафи узнают, ее станут использовать как инструмент в политических играх...

Или уничтожат как политическую угрозу.

Дар Сафи был крайне редким и ценным, поэтому она всю жизнь хранила его в тайне. Как и сама Изольда, Сафи была еретичкой, то есть незарегистрированной ведьмой. На тыльной стороне ладони не было татуировки, извещающей окружающих о ее даре. Однажды кто-нибудь еще, кроме самых близких друзей, догадается, кто она такая, и тогда солдаты ворвутся в гостевую комнату гильдмейстера Шелковой гильдии и уведут Сафи, закованную в цепи.

Вскоре клинки девушек были вычищены и заново наточены, и Сафи устремила на Изольду один из своих самых мрачных взглядов.

– Давай уже, – велела Изольда.

– Наверное, нам придется бежать из города. Покинуть империю Дальмотти.

Изольда сжала просоленные губы и постаралась не хмуриться. Не чувствовать.

Одна мысль о том, чтобы покинуть Веньясу... Нет, Изольда бы не смогла. Столица империи Дальмотти была ее *домом*.

Жители Северной пристани уже перестали замечать ее бледную кожу и чуть узкие глаза – прямое свидетельство того, что она была *номатси*.

И ей потребовалось шесть с половиной лет, чтобы стать там своей.

– Пока, – тихо произнесла Изольда, – давай подумаем о том, чтобы незаметно попасть в город. И помолимся, чтобы этот колдун не учуял твою кровь.

Или ведовской дар.

Сафи устало вздохнула и устроилась под лучами солнечного света. От них кожа засияла, а волосы заблестели.

– Кому следует помолиться?

Изольда почесала нос, благодарная хотя бы за то, что тема разговора сменилась.

– Нас чуть не убил монах ордена Кар-Авена, так почему бы не Колодцам Истока?

Сафи слегка вздрогнула:

– Не хочу молиться тому же, чему молится этот колдун. Как насчет того нубревнийского бога? Как там его зовут?

– Ноден.

– А, точно. – Сафи прижала руки к груди и уставилась в потолок. – Ноден, бог нубревнийских волн...

– Сафи, я не думаю, что он – бог только волн. Всего остального тоже.

Сафи закатила глаза:

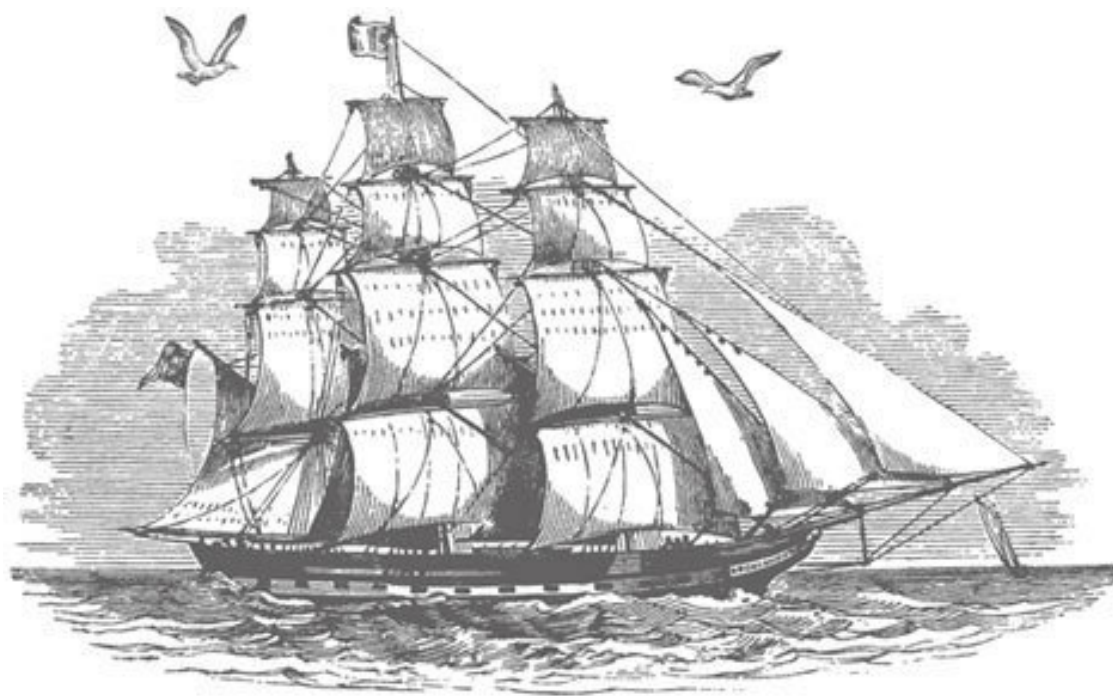
– Бог нубревнийских волн и всего остального тоже, не мог бы ты сделать так, чтобы нас никто не выследил? Особенно... этот... Просто держи его подальше. И если ты сможешь уберечь нас от стражи города Веньясы, тоже было бы здорово.

– Это самая ужасная молитва, что я слышала, – заявила Изольда.

– Чтоб на тебя ласки помочились, Из. Я еще не закончила. – Сафи сердито засопела и продолжила: – Пожалуйста, верни все наши деньги до того, как Мэтью или Габим вернутся из поездки. И... это все. Большое тебе спасибо, о всеблагодатный Ноден. – Затем она поспешно добавила: – А еще, пожалуйста, сделай так, чтобы Хитрый Хлыщ получил по заслугам.

Изольда чуть не фыркнула, услышав последнюю просьбу, но внезапно о маяк громко разбилась волна, рассыпавшись брызгами при ударе о камень. Соленые капли покрыли лицо Изольды. Она нервно смахнула их. Вместо прохлады – тепло.

– Пожалуйста, Ноден, – прошептала она, стирая морскую воду со лба, – пожалуйста, сделай так, чтобы мы хотя бы остались живы.

Глава 3

Дойти до кофейни Мэтью, где жила Изольда, оказалось сложнее, чем предполагала Сафи. Обе подружки были измотаны, и Сафи хотелось стонать при каждом шаге. А еще ей хотелось сесть. И принять горячую ванну. И съесть пару булочек.

Ни ванны, ни булочек в ближайшее время не предвиделось. В городе Веньяса повсюду кишмя кишела стража, и к тому времени, как девушки добрались до Северной пристани, уже почти рассвело.

Они потратили половину ночи на то, чтобы добраться от маяка до столицы, а потом еще половину ночи крались по переулкам и перелезали через заборы, окружавшие огороды на задних дворах.

Любой взмах чего-то белого – будь то белье на веревке, кусок парусины или занавеска в окне – заставлял желудок Сафи подниматься к самому горлу. Но, слава богам, каждый раз это оказывался не плащ колдуна крови. В час, когда ночь начала переходить в рассвет, вдалеке показалась вывеска кофейни Мэтью. Заведение располагалось в переулке, отходившем от большого проспекта, что вел прямо к пристани.

*Настоящий кофе из Марстока
Лучший в Веньясе*

Вообще-то это не был настоящий марстокийский кофе, а Мэтью даже не был родом из империи Марсток. Напиток был фильтрованным и безвкусным, рассчитанным, как говорил Габим, на «тупых парней с запада». И лучшим в городе он не был. Даже Мэтью признавал, что в любой забегаловке на Южной пристани кофе был куда лучше. Но сюда, на северные окраины столицы, люди приходили не ради кофе. Они приходили ради сделок.

Именно в этом – в торговле слухами и тайнами, в планировании ограблений и афер – колдуны слова, к которым относился Мэтью, особенно преуспели. Парень держал кофейню повсюду в Ведовских Землях, так что любые новости он узнавал первым.

И именно ведовской дар слова сделал Мэтью идеальным наставником для Сафи, ведь он с легкостью говорил на любом языке.

Но что еще важнее, повязанный брат Мэтью, Габим, всю жизнь работал на дядю Сафи: сначала как охранник, а потом – как вечно недовольный учитель девочки. Поэтому, когда Сафи отослали в южные земли, Мэтью принял на себя обязанности Габима.

Не то чтобы Габим совсем забросил обучение Сафи. Он частенько навещался к своему повязанному брату в городе Веньяса, после чего жизнь девушки превращалась в сплошное мучение: много дополнительных часов тренировок на скорость или овладение древними боевыми стратегиями.

Сафи добралась до кофейни первой и, перепрыгнув через лужу нечистот пугающе оранжевого цвета, принялась выстукивать заклинание блокировки на входной двери. Его поставили недавно, после инцидента с украденным столовым серебром. Габим мог сколько угодно жаловаться Мэтью на дороговизну заклятия, но, насколько Сафи могла судить, оно стоило своих денег. В Веньясе уровень преступности оставался традиционно высоким – во-первых, потому, что город служил портом, а во-вторых, потому, что богатые гильдмейстеры так и манили всякое отребье, жаждущее присвоить их пиестры.

Разумеется, те же самые гильдмейстеры оплачивали и разнообразные, неподдающиеся исчислению отряды городских стражников, один из которых как раз остановился в начале переулка. Мужчины уставились в другую сторону, осматривая корабли, пришвартованные к Северной пристани.

– Быстрее, – прошептала Изольда и толкнула Сафи в спину. – Стражник вот-вот... вот-вот...

Дверь распахнулась, Изольда навалилась на Сафи, и девушки влетели в темноту кофейни.

– Ты чего творишь? – зашипела Сафи. – Нас здесь все стражники знают!

– Именно, – ответила Изольда, закрывая дверь и задвигая засовы. – А издалека мы выглядим как две крестьянки, которые вломились в запертую кофейню.

Сафи неохотно согласилась:

– Верная мысль.

Изольда сделала шаг вперед и скомандовала:

– Гори!

В то же мгновение двадцать шесть заговоренных фитилей вспыхнули, высветив на стенах, потолке и полу яркие марстокийские узоры. Вокруг было слишком много всего, особенно ковров с аляпистым витым орнаментом, который резал глаза Сафи. Но, как и в случае с кофе, обитатели западных земель имели собственное мнение насчет того, как должна выглядеть марстокийская кофейня.

Вздохнув, Изольда направилась к винтовой лестнице в дальнем углу. Сафи последовала за ней. Они поднялись сначала на второй этаж, где жили Мэтью и Габим, а потом – на чердак со скошенным потолком, который Изольда называла своим домом. Здесь с трудом помещались две узкие койки и шкаф для одежды.

Вот уже шесть с половиной лет Изольда жила, училась и работала здесь. После того как она покинула мидензи, свое родное племя, Мэтью оказался единственным работодателем, готовым нанять и поселить у себя девушку народа номатси.

С тех пор Изольда никуда не переезжала, и причиной было вовсе не отсутствие желания.

Иметь собственный дом.

Сафи, должно быть, тысячу раз слышала об этой мечте своей повязанной сестры. Сто тысяч раз. И, возможно, если бы Сафи сама росла в крохотной хижине, годами делила одну на двоих кровать с матерью, она бы тоже мечтала обзавестись более просторным и уединенным убежищем.

И вот чем это закончилось... Сафи разрушила мечты подруги. Все скопленные пиестры исчезли, а стражники города Веньясы охотились на Сафи и Изольду. Это был буквально худший из возможных сценариев, и никакой аварийный мешок или прятки на маяке не помогли им выпутаться из этой передраги.

Сдерживая тошноту, Сафи, пошатываясь, подошла к окну и распахнула его настежь. В узкую комнатку ворвался горячий воздух, наполненный запахом рыбы, таким знакомым и успокаивающим. Солнце только-только взошло на востоке, и черепичные крыши Веньясы горели как оранжевые языки пламени.

Вид из окна был прекрасен, безмятежен, и, боги свидетели, как же Сафи любила его! Она выросла в полуразрушенном доме в глубине Орхинских гор. Ее запирали в восточном крыле, когда дядя Эрон бывал не в духе, и в большинстве случаев жизнь Сафи в замке Гасстрель проходила за разбитыми окнами, в которые летел снег. Ледяной, пронизывающий ветер и мерзкая, склизкая плесень. Куда ни глянешь, взгляд наткнулся на резьбу, картины или гобелены с изображением мифической горной летучей мыши. Гротескное, похожее на дракона существо, сжимавшее в когтях ленту с девизом «Любовь и ужас».

А мосты и каналы Веньясы были нагреты солнцем и замечательно пахли тухлой рыбой. В кофейне Мэтью всегда было светло и многолюдно. Над пристанями постоянно раздавалась восхитительная ругань грузчиков и матросов.

Здесь Сафи чувствовала себя согретой. Здесь ей были рады, а иногда она даже была желанной.

Сафи кашлянула. Ее рука соскользнула с оконной ручки, девушка повернулась и увидела, что Изольда натягивает на себя оливково-зеленое платье.

Подруга заглянула в шкаф.

– Можешь надеть мое запасное.

– Все будет видно.

Сафи закатала просоленные рукава рубахи, показывая синяки и царапины на руках – согласно последней моде, все платья шились с очень короткими рукавами.

– Значит, тебе повезло, ведь у меня еще есть... – Изольда достала из шкафа две коротких куртки, – вот это!

Сафи скривилась. Куртки носили ученики гильдий, а эти две были трофеями, доставшимися девушкам после последнего грабежа.

– А я по-прежнему считаю, – заявила Сафи, – что следовало взять не только куртки, когда мы бросили их связанными в кладовой.

– Хорошо, в следующий раз, когда кто-нибудь испортит партию шелка и обвинит тебя, Саф, я обещаю: возьмем не только куртки.

Изольда метнула в подругу ком черной шерстяной ткани, и та подхватила его в воздухе.

Пока Сафи спешно переодевалась, Изольда присела на край койки и чуть скривила губы.

– Я тут подумала... – подчеркнуто спокойно начала она. – Если колдун крови действительно охотится за нами, то, возможно, глава Шелковой гильдии сможет защитить тебя. В конце концов, технически он – твой опекун, и ты живешь в его гостевой комнате.

– Не думаю, что он станет укрывать беглецов. – Лицо Сафи напряглось, и она вздрогнула. – В любом случае было бы неправильно втягивать в это гильдмейстера Аликса. Он всегда был так добр ко мне, и не хотелось бы отплатить ему за это неприятностями.

– Хорошо, – сказала Изольда, не меняя выражения лица. – Другой план: Адские Алебарды. Их бригада сейчас в Веньясе на переговорах о Перемирии, верно? Охраняют делегацию Карторранской империи? Может, обратишься к ним за помощью, ведь твой дядя когда-то был одним из них... И я уверена, что даже дальмоттийские стражники не будут настолько глупы, чтобы спорить с Адскими Алебардами.

От этой идеи Сафи скривилась еще больше.

– Дядю Эрона с позором *выгнали* из Адских Алебард. Теперь его ненавидит вся бригада, а император Генрик – больше всех прочих. – Она презрительно фыркнула, звук отразился от стен и эхом отозвался у нее в животе. – Императору нужен только повод, чтобы передать мой титул одному из своих подлых подхалимов. Уверена, что нападение на гильдмейстера – достаточная причина для этого.

Большую часть детства Сафи дядя обучал ее как солдата и обращался с ней тоже как с солдатом – по крайней мере, когда был достаточно трезв, чтобы уделять ей внимание. Но когда Сафи исполнилось двенадцать, император Генрик решил, что ей пора отправиться в столицу Карторры для получения образования. «Она знает, как управлять фермерами или следить за сбором урожая? – спрашивал Генрик, нависая над дядей Эроном, а Сафи, маленькая и молчаливая, стояла позади него. – Какой у Сафи опыт ведения хозяйства или уплаты десятины?»

Последний пункт, уплата непомерных карторранских налогов, больше всего беспокоил императора Генрика. Он сумел прибрать к своим униженным перстнями рукам всю местную аристократию и хотел быть уверен, что будущая донья Сафия тоже попадет в ловушку.

Но попытка Генрика заполучить еще одного верного вассала провалилась, поскольку дядя Эрон не отправил Сафи учиться в Прагу вместе с другими молодыми дворянами. Вместо этого она была сослана на Юг, к гильдмейстерам и наставникам Веньясы.

Это был первый и последний раз, когда Сафи испытала что-то похожее на благодарность к своему дяде.

– В таком случае, – сказала Изольда, подытоживая, и ее плечи бессильно опустились, – думаю, нам придется покинуть город. Мы можем укрыться... где-нибудь, пока все это не уляжется.

Сафи прикусила губу. Как будто это так просто, «укрыться где-нибудь»... Внешность Изольды, выдававшая номатсийское происхождение, превращала девушку в мишень, куда бы она ни отправилась.

В тот единственный раз, когда девушки попытались покинуть Веньясу, чтобы навестить общую подругу, им едва удалось вернуться домой.

Конечно, те трое в таверне, что решили напасть на Изольду, вообще домой не вернулись. По крайней мере на своих ногах.

Сафи подошла к шкафу и распахнула его, представив, что ручка – это нос Хитрого Хлыща. Если – *когда* – она встретит этого ублюдка, переломает ему все кости.

– Лучше всего, – продолжала Изольда, – начать с Южной пристани. Там швартуются торговые корабли Дальмотти, и мы сможем наняться на один из них, чтобы оплатить проезд. Тебе что-нибудь нужно забрать у гильдмейстера Аликса? – Сафи покачала головой, и Изольда продолжила: – Хорошо. Тогда мы оставим записки для Габима и Мэтью, в которых все объясним. А потом... Думаю, мы... просто уйдем.

Сафи молча вытянула из шкафа золотистое платье. У нее перехватило горло, а желудок скрутило так, что она не смогла произнести ни слова.

Она застегнула тысячу – или две – пуговиц, Изольда накинула на волосы бледно-серый платок, и тут в двери кофейни постучали.

– Городская стража Веньясы! – раздался приглушенный голос. – Открывайте! Мы видели, как вы сюда вломились!

Изольда вздохнула с выражением долгого, привычного страдания.

– Знаю, знаю, – прошипела Сафи, расправляясь с последней пуговицей, – ты мне говорила.

– Ну раз ты сама вспомнила...

– А то ты мне дашь забыть!

Губы Изольды растянулись в подобие улыбки, но попытка оказалась неудачной. Чтобы понять это, Сафи не нужен был ее ведовской дар.

Пока девушки натягивали на себя засаленные ученические куртки, охранник продолжал кричать:

– Открывайте! Из этой кофейни есть только один выход!

– А вот это неправда, – заметила Сафи.

– Мы применим силу! Без колебаний!

– Мы тоже.

По сигналу своей повязанной сестры Сафи схватила кровать Изольды, и они вдвоем подтащили ее к двери. Заскрипели деревянные ножки, и уже через минуту девушки перевернули койку набок, чтобы соорудить что-то вроде баррикады в дверном проеме. Это всегда срабатывало, когда им надо было сбежать и при этом не дать кому-то проникнуть в комнату.

Хотя обычно на них из-за дверей орала Мэтью и Габим, а не вооруженные стражники.

Мгновение спустя Сафи и Изольда стояли у окна, они тяжело дышали, прислушиваясь к тому, как внизу выбивают входную дверь. Стены кофейни задрожали, и стекла разлетелись вдребезги.

Задыхаясь, Сафи вскарабкалась на крышу. Сначала она потеряла все свои деньги, а теперь разрушила кофейню Мэтью. Может быть... может быть, хорошо, что ее наставники уехали из города по делам. По крайней мере ей не придется в ближайшее время разбираться с Мэтью или Габимом.

Изольда выбралась вслед за Сафи, на спине у нее висел аварийный мешок. Клинки Изольды были надежно спрятаны в ножнах под юбкой, а Сафи засунула свой длинный нож за голенище сапога. Ее меч – ее *прекрасный* стальной меч – свисал сзади.

– Куда? – спросила Сафи, понимая по блеску глаз Изольды, что ведьма нитей уже прокладывает маршрут.

– Сначала вглубь, в сторону дома гильдмейстера Аликса, а потом повернем на юг.

– По крышам?

– Пока можем. Ты ведешь.

Сафи коротко кивнула и перешла на бег. Она повернулась в сторону, ведущую в центр города, добралась до края крыши кофейни и перепрыгнула на соседний скат.

С грохотом приземлилась на черепицу. Голуби, хлопая крыльями, взвились в воздух, освобождая путь. Рядом приземлилась Изольда.

Но Сафи уже летела к следующей крыше. Потом еще и еще, так что Изольда осталась далеко позади.

Изольда шла по мощеной улице, Сафи опережала ее на два шага. Девушки свернули вглубь города, подальше от кофейни, пересекая каналы и петляя по мостам, чтобы избежать городской стражи. К счастью, уже началось утреннее столпотворение, улицы заполнили тележки, груженные фруктами, ослы, козы, люди всех рас и национальностей. Нити самых разных цветов, таких же многочисленных, как и оттенки кожи их владельцев, лениво раскачивались в горячем воздухе.

Сафи проскочила перед повозкой со свиньями, оставив Изольду позади. Потом девушки обогнули нищего, прошли мимо группы пуритов, вопивших о греховности любой магии, пробрались сквозь стадо несчастных овец и уперлись в затор. Впереди сплетались чьи-то нити, краснея от досады на задержку.

Изольда попыталась представить собственную нить, такую же красную. Девушки были уже так близко к Южной пристани, Изольда даже могла разглядеть сотни кораблей под белыми парусами, что стояли на якоре неподалеку.

Она сдержала раздражение. Еще несколько эмоций – тех, что ей не хотелось бы называть, тех, которые не позволила бы себе обнажить ни одна порядочная ведьма нитей, – тяжело зашевелились в груди. «Покой, – повторяла она себе, совсем как ее мать много лет подряд. – Покой повсюду, от кончиков пальцев рук до кончиков пальцев ног».

Вскоре нити, сплетавшиеся над затором, замерцали голубым светом. Он распространился от одной нити к другой, словно змея скользила по глади пруда. Люди в толпе узнавали друг от друга о причине задержки и успокаивались.

Голубая волна дошла до них, и какая-то старуха рядом с девушками недовольно проворчала:

– Говорят, впереди всех досматривает патруль. Так я не успею купить свежих крабов!

Изольда похолодела, а нити Сафи стали серыми от страха.

– Адские врата, Из, – прошипела она. – И что теперь делать?

– Больше нахальства. – Хмыкнув, Изольда достала из мешка потрепанную книгу. – С этим мы будем выглядеть как две усердных ученицы. Можешь взять «Краткую историю империи Дальмотти».

– Короткая, как моя жизнь, – буркнула Сафи, но все же взяла увесистый том.

Изольда порылась еще и достала синий фолиант под названием «Иллюстрированный путеводитель по монастырю Кар-Авена».

– Ясенько, зачем ты их взяла. – Сафи выразительно подняла бровь и уставилась на подругу. – Точно не ради маскировки. Просто не хотела расставаться с любимым чтивом.

– Ну и что? – презрительно фыркнула Изольда. – Может, не хочешь брать?

– Нет уж, возьму. – Сафи задрала подбородок. – Только пообещай, что, когда мы доберемся до стражи, ты не будешь вмешиваться.

– Действуй, Саф.

Усмехнувшись про себя, Изольда низко надвинула платок. Он промок насквозь от пота, но хотя бы скрывал лицо. Точнее, цвет кожи. Девушка поправила перчатки, натянула повыше, чтобы ни один дюйм запястья не оказался на виду. Оставалось надеяться, что все внимание, как обычно, будет приковано к Сафи.

Как всегда говорил Мэтью: «Правой рукой дай ближнему то, чего он жаждет, а левой срежь кошелек». Сафи всегда выполняла роль правой руки, отвлекающей внимание, и у нее это отлично получалось. Изольда же скрывалась в тени, готовая срезать любой кошелек, что подвернется под руку.

Остановившись вместе с толпой, Изольда принялась рассматривать книгу в толстом переплете. Она была совсем еще девочкой, когда одна монахиня из ордена Кар-Авена помогла ей, и с тех пор Изольда была несколько... *одержима*, как это называла Сафи. Но девушкой двигало не только чувство благодарности. Ее очаровывали белые одеяния и опаловые серьги монахов, а еще их смертоносные умения и священные обеты.

Жизнь в монастыре Кар-Авена казалась такой простой. Такой ясной. Любому человек, неважно кто он был по происхождению, мог вступить в орден и тут же получить признание. Уважение.

Изольда даже представить себе не могла, каково это, когда тебя уважают, но ее сердце бешено билось при одной мысли о такой возможности.

Книга с шелестом распахнулась на тридцать седьмой странице, где лежала бронзовая пиестра. Изольда сама положила монету вместо закладки, и теперь ей казалось, что крылатый лев смеется над ней.

«Первая пиестра на пути к новой жизни», – подумала Изольда. Ее взгляд остановился на витиеватых буквах дальмогтийского письма. В главе описывались ранги кар-авенских монахов, а первая картинка изображала монаха-наемника – с ножами на поясе, мечом и каменным выражением лица.

Он был очень похож на колдуна крови.

Колдун. Крови. Колдун. Крови.

Изольда вспомнила красные зрачки, оскаленные зубы, и кровь в ее жилах застыла, как лед. Она чувствовала что-то еще... Что-то крайне неприятное.

Разочарование – вот что, поняла она наконец. Было что-то неправильное в том, что такое чудовище оказалось в рядах монахов.

Изольда вчиталась в подпись под картинкой, словно надеялась увидеть ответ. Но там лишь значилось: «Обучен сражаться за пределами монастыря во славу Кар-Авена».

У Изольды перехватило дыхание, в груди все сжалось. В детстве она часами лазала по деревьям, представляя, что и сама стала частью Кар-Авена, одной из пары, чей дар зародился в Колодцах Истока. Их воды могут смыть даже самое черное зло.

Но поскольку Истоки, питающие Колодцы, были мертвы много столетий, минуло уже пятьсот лет с момента появления последнего Кар-Авена. А мечтания Изольды обычно оказывались прерваны появлением детей из соседней деревни. Они толпой окружали деревья, куда она забиралась, и начинали выкрикивать проклятия, которые слышали от родителей: «Ведьме нитей здесь не место!»

Так что Изольде оставалось только крепче вцепиться в ветку и молиться о том, чтобы мама побыстрее ее нашла. В такие моменты она понимала, что Кар-Авен всего лишь красивая сказка, не более.

Сглотнув, Изольда отогнала воспоминания. День и так складывался плохо, не стоило воскрешать старые обиды. К тому же они с Сафи почти дошли до стражников, и в голове у девушки

всплыл давний урок Габима: «Оцени противника. Изучи местность. Выбирай поле боя сама, если можешь».

– Все в очередь! – кричали стражники. – Оружие должно оставаться на виду!

Изоolda шумно захлопнула книгу, вдохнув напоследок затхлый запах страниц. Она насчитала десяток солдат. Они стояли за телегами, выстроенными поперек дороги, чтобы отсечь людской поток. Арбалеты. Если досмотр пройдет неудачно, им с Сафи ни за что не пробиться.

– Ладно, – прошептала Сафи. – Наша очередь. Не высовывайся.

Изоolda выполнила приказ и заняла место позади Сафи, которая, приняв надменный вид, подошла к стражнику с кислым лицом.

– И что это значит? – Слова Сафи прозвучали отчетливо и ясно, несмотря на шум толпы. – Мы опаздываем на встречу с главой Пшеничной гильдии. Вы представляете, какой это занятой человек?

На лице стражника застыла скучающая гримаса, но его нити засветились, выдавая живой интерес.

– Имена.

– Сафия. А это моя фрейлина, Изоolda.

Хотя выражение лица стражника оставалось безучастным, интерес в его нитях засиял ярче. Он отступил в сторону, давая знак второму охраннику приблизиться, и Изоолде пришлось прикусить язык, чтобы не сказать об этом Сафи.

– Я требую объяснить причину задержки, – заявила Сафи второму стражнику, огромному мужчине.

– Мы ищем двух девушек, – прорычал он. – Их разыскивают за грабеж на северной дороге. Полагаю, у вас нет при себе оружия?

– Разве я похожа на девушку, у которой есть оружие?

– Тогда вы не будете возражать, если мы вас обыщем.

К чести Сафи, на ее лице не отразился страх, который был отчетливо виден в нитях, она лишь выше задрала подбородок.

– Я, конечно, против, и, если вы хоть пальцем ко мне прикоснетесь, я немедленно прикажу вас уволить. Всех вас! – Она выставила вперед книгу, и первый охранник вздрогнул. – Завтра в это же время вы окажетесь на улице и будете жалеть, что связались с ученицей гильд-мейстера...

Сафи не успела закончить угрозу, потому что в этот момент над головой закричала чайка... и на плечо упали брызги белой жижи.

Ее нити вспыхнули бирюзовым от удивления.

– Нет, – вздохнула она, расширив глаза. – Нет!

Стражники тоже выпучили глаза, а их нити переливались розовым.

Они разразились хохотом. Потом стали тыкать пальцами, и даже Изоолде пришлось зажать рот рукой в перчатке. Нельзя смеяться, нельзя...

Но она не сдержалась, и нити Сафи вспыхнули алым от гнева.

– Ну почему? – закричала она, обращаясь к Изоолде. Потом повернулась к стражникам и продолжила: – Почему всегда я? Вокруг тысяча плеч, чтобы нагадить, но эти чайки всегда выбирают меня!

Охранники сбились в кучу, и огромный мужчина махнул рукой:

– Иди уже. Просто иди.

Из его глаз от смеха потекли слезы, что еще больше раззадорило Сафи.

– А вам стоит заняться чем-нибудь полезным вместо того, чтобы смеяться над девушкой, попавшей в беду. Ловите преступников или кого там вы должны ловить!

Сафи миновала патруль и помчалась на пристань к кораблям, а Изольда следовала за ней по пятам, продолжая прыскать от смеха всю дорогу.

Глава 4

Пальцы Мерики Нихар с силой сжимали нож для масла. У карторранской доньи, сидевшей напротив за широким дубовым столом, куриный жир стекал по подбородку, поросшему жесткими волосками.

Словно почувствовав взгляд Мерики, донья взяла бежевую салфетку и быстро промокнула морщинистые губы и дряблый подбородок.

Мерик ненавидел ее, как, впрочем, и всех остальных дипломатов, собравшихся здесь. Он годы потратил на то, чтобы научиться держать в узде крутой нрав, которым славилась вся его семья, но сейчас ему хватило бы одной капли. Одна последняя капля, и океан его ярости затопит все вокруг.

В длинном обеденном зале слышались разговоры по меньшей мере на десяти разных языках. Завтра должны были начаться Континентальные переговоры о Перемирии, где собирались обсудить Великую войну и завершение Двадцатилетнего Перемирия. В город Веньяса съехались сотни дипломатов со всех Ведовских Земель.

Дальмотти была самой маленькой из трех империй, но самой влиятельной в торговле. А поскольку она располагалась между империей Марсток на востоке и Карторранской империей на западе, ее сочли идеальным местом для проведения международных переговоров.

Мерик был здесь, чтобы представлять Нубревнию, свою родину. На самом деле он был тремя неделями ранее, надеясь найти новые торговые пути и, возможно, восстановить старые связи с гильдиями. Но это оказалось пустой тратой времени.

Мерик перевел взгляд с пожилой доньи на прозрачную стену из стекла у нее за спиной. Снаружи простирались сады дворца дожа и наполняли зал зеленоватым сиянием и ароматом жасмина. Как избранный глава Совета Дальмотти, дож не имел семьи – ни один гильдмейстер в Дальмотти не имел семьи, поскольку считалось, что это отвлекает их от служения гражданам, – поэтому было непонятно, зачем ему нужен был сад, способный вместить все двенадцать кораблей Мерики.

– Любуется стеклянной стеной? – спросил рыжеволосый глава Шелковой гильдии, сидевший справа от Мерики. – Это настоящий шедевр, созданный нашими колдунами земли. Ни одного стыка, цельное стекло, представьте себе.

– Воистину шедевр, – отозвался Мерик, но его тон говорил об обратном. – Хотя мне любопытно, гильдмейстер Аликс, не думали ли вы когда-нибудь о том, чтобы использовать ваших колдунов более... *рационально*?

Гильдмейстер слегка кашлянул.

– Наши колдуны – специалисты высокого класса. Было бы несправедливо настаивать на том, чтобы колдун, умеющий работать с землей, трудился исключительно на ферме.

– Но есть разница между колдуном почвы, который может работать только с почвой и больше ни с чем, и колдуном земли, который решает работать только с почвой. Или тратит дар на то, чтобы переплавлять песок в стекло. – Мерик откинулся в кресле. – Возьмем для примера вас, гильдмейстер Аликс. Вы, полагаю, колдун земли? И ваш дар распространяется широко: также на животных, к которым мы относим и шелкопрядов, но *не только* на них.

– Но я не колдун земли. – Аликс чуть приподнял руку, показывая свое ведовское клеймо: круг, обозначающий эфир, и пунктирную линию, говорящую, что колдун специализируется на искусстве. – Я по профессии портной. Мой ведовской дар в том, чтобы воплощать индивидуальность человека в одежде.

– Естественно, – кивнул Мерик.

Глава Шелковой гильдии только что подтвердил правоту Мерики, но, похоже, сам того не заметил.

Спрашивается, зачем тратить ведовской дар искусств на моду? На создание одной-единственной ткани? Лняной костюм Мерики, отличный, к слову, костюм, был сшит его личным портным, который справлялся с работой без всякого ведовства.

Длинный серебристо-серый фрак прикрывал кремовую рубашку, и хотя пуговиц было так много, что их следовало бы официально запретить, Мерику его наряд нравился. Черные бриджи были заправлены в новые поскрипывающие сапоги, а широкий пояс на бедрах служил не только для красоты. Как только Мерик вернется на корабль, он немедленно повесит на него саблю и пистолеты.

Явно почувствовав недовольство Мерики, гильдмейстер Аликс переключил свое внимание на аристократку, сидевшую по другую сторону от него.

– Что вы думаете о предстоящем браке императора Генрика, миледи?

Мерик нахмурился еще больше. Казалось, на этом обеде всех интересовали только сплетни и двусмысленные шутки. В бывшей республике Аритуании – дикой, варварской стране на севере – появился человек, который объединил под своим началом несколько племен кочевников и уже называл себя «королем», но кого это волнует здесь, в империях?

Никого абсолютно.

Ходили слухи, что Адские Алебарды силой вербуют колдунов на службу, но ни один из здешних аристократов не счел эту новость тревожной. Впрочем, Мерик полагал, что их сыновей или дочерей это никак не коснется.

Взбешенный взгляд Мерики вернулся к тарелке. Она была вычищена дочи́ста. Даже кости уже покоились в носовом платке у него в кармане. А что не так? Из них запросто можно будет сварить бульон, которого его морякам хватит на несколько дней. Некоторые гости обратили внимание на то, как он тщательно собрал обглоданные кости бежевой салфеткой, но Мерик и не особо скрывал это. У него даже возник соблазн спросить соседей по столу, нельзя ли забрать остатки их еды, тем более что у многих блюда остались нетронутыми. Мясо горой высилось в окружении зеленой фасоли. Да уж, моряки не привыкли тратить еду попусту, особенно когда не знали, удастся ли поймать рыбу или увидеть сушу в ближайшем будущем.

И уж тем более когда у них на родине голодали.

– Адмирал, – обратился к нему толстяк слева, – как здоровье короля Серафина? Я слышал, что его болезнь достигла последней стадии.

– Значит, вы ослышались, – ответил Мерик, и его голос стал пугающе холоден для любого, кто знал о неукротимом нраве семьи Нихар. – Мой отец идет на поправку. Спасибо вам... Как вас, кстати, зовут?

Щеки мужчины заалели.

– Дон Филипп фон Григ. – Он натянул фальшивую улыбку. – Григи владеют самыми обширными поместьями в Карторранской империи, вы, конечно, знаете, о чем я. Или... нет? Полагаю, *нубревнийцу* не обязательно разбираться в карторранской географии.

На это Мерик лишь улыбнулся. Конечно, он знал, где находятся владения Грига, но пусть дон считает его невеждой в карторранских делах.

– У меня трое сыновей служат в бригаде Адских Алебард, – продолжал дон, и его толстые, похожие на сосиски пальцы потянулись к бокалу с вином. – Император обещал, что в ближайшем будущем каждый из них получит свой собственный надел.

– Не сомневаюсь.

Мерик старался сохранять бесстрастное выражение лица, но в груди у него клокотала ярость. Адские Алебарды считались элитным отрядом безжалостных бойцов, которым было поручено очистить Карторру от колдунов-элементалов и еретиков, – и это было одной из главных причин ненависти Мерики к карторранцам.

В конце концов, он сам являлся колдуном-элементалом, как и почти все, кто был ему дорог в Ведовских Землях.

Когда дон фон Григ отпил из своего кубка, из уголка его рта потекла струйка дорогого дальмоттийского вина. Какая расточительность. Отвратительно. Ярость Мерика росла... и росла... и росла.

Пока не упала последняя капля, и Мерик не отдался потоку.

Резко, с хрипом вдохнув, он втянул в себя воздух. Затем *выдохнул* его.

Ветер налетел на дона. Бокал у мужчины в руках перевернулся, вино забрызгало его лицо, волосы, одежду. Оно даже попало на прозрачную стену, и красные капли потекли по стеклу.

Наступила тишина. Всего мгновение Мерик размышлял о том, что ему следует сделать. Об извинениях не могло быть и речи, а угрозы прозвучали бы слишком мелодраматично. Затем взгляд Мерика остановился на полной тарелке гильдмейстера Аликса. Не раздумывая, Мерик вскочил на ноги и окинул грозным взглядом лица гостей, плящущихся на него. Посмотрел на слуг, что мельтешили в дверях и темных углах и чьи глаза расширились от страха.

Затем Мерик выхватил салфетку из рук гильдмейстера.

– Вы же не собираетесь это есть? – Мерик не стал дожидаться ответа. Он почти прошептал: – Вот и отлично, потому что моей команде это пригодится, – и принялся собирать мясо, стручковую фасоль и даже кусочки тушеной капусты. Плотно завернув все в шелковую салфетку, он сунул ее в карман к припрятанным ранее костям.

Затем повернулся к потрясенно глядевшему на него дожу Дальмотти и громко произнес:

– Благодарю вас за гостеприимство, милорд.

И, отсалютовав насмешливым приветствием, Мерик Нихар, принц Нубревнии и адмирал нубревнийского флота, покинул званый обед дожа, затем парадный зал дожа и, наконец, дворец дожа.

И пока он шел, у него в голове начал складываться план.

Когда Мерик добрался до самой южной точки города, Южной пристани, далекие куранты пробили пятнадцатый час. Дневной зной опустился на булыжники, оставив на улицах лишь воспоминания о былой жаре.

Мерик попытался перепрыгнуть лужу – только Ноден знает чего, – но ему это не удалось, и сапоги плюхнулись прямо в жижу на самом краю. Черная вода веером окатила юношу, поднимая волну воняющей рыбы. Он с трудом поборол желание стукнуть кулаком по стене ближайшей лавки. Город не виноват в том, что его гильдмейстеры – тупые ослы.

За девятнадцать лет и четыре месяца, прошедшие с тех пор, как Двадцатилетнее Перемирие покончило с войнами повсюду в Ведовских Землях, три империи – Карторра, Марсток и Дальмотти – с помощью обмана подчинили себе родину Мерика. Каждый год через его страну проходило все меньше торговых караванов, и все меньше нубревнийских товаров находило своих покупателей.

Нубревния была не единственной пострадавшей страной. Считалось, что Великая война началась много веков назад со спора о том, кому принадлежат Пять Колодцев Истока. В те времена именно Колодцы выбирали правителей – что-то связанное с Двенадцатью паладинами... Хотя Мерик так и не понял, как двенадцать рыцарей или один неодушевленный ручей могли выбирать короля.

Теперь все это стало лишь легендой, а за столетия из хаоса Великой войны выросли три империи, и каждая из них хотела одного и того же: получить больше. Больше магии, больше урожая, больше портов.

И тогда три огромные империи объединились против горстки крошечных государств – крошечных, но свирепых государств, которые постепенно одерживали верх, ведь войны стоят денег, и даже империи могут их растратить.

– Мир, – провозгласил карторранский император. – Мир на двадцать лет, а потом – новые переговоры.

Это звучало идеально.

Слишком идеально.

Люди, подобные матери Мерика, не понимали, ставя свои подписи под Двадцатилетним Перемирием, что, когда император Генрик говорит «Мир!», он на самом деле имеет в виду передышку. А когда он говорит «Переговоры», то имеет в виду, что другие страны падут после того, как военные силы империй возобновят свой поход.

И вот теперь Мерик наблюдал, как с запада надвигаются армии Дальмотти, на востоке собираются марстокийские колдуны огня, а три имперских флота медленно плывут к побережью его родины. Ему казалось, что он сам – как и вся Нубревния – тонет. Они вместе будут медленно погружаться в воду, наблюдая, как исчезает солнечный свет, пока окончательно не захлебнутся и не останется ничего, кроме священных рыб Нодена.

Но нубревнийцы еще не сдались.

У Мерика оставалась последняя встреча – с представителями Золотой гильдии. Если ему удастся начать торговлю хотя бы с одной гильдией, за ней, Марик был уверен, потянутся и другие.

Когда юный адмирал наконец добрался до своего военного корабля – трехмачтового фрегата с острым, похожим на клюв носом, характерным для нубревнийских кораблей, – он с облегчением увидел, как судно спокойно покачивается на волнах. Паруса были спущены, весла убраны, а флаг Нубревнии с ирисом на черном фоне – яркой вспышкой голубого в центре черного квадрата – развевался на послеполюденном ветерке.

Стоило ему подняться по трапу на «Джану», как гнев сразу стих, но на смену пришла тревога, и юноше вдруг захотелось проверить, правильно ли заправлена рубашка.

Это все еще был корабль отца. Половина людей относилась к команде короля Серафина, и, несмотря на три месяца, проведенные под началом Мерика, матросы были не в восторге от присутствия принца на борту.

По главной палубе пронесся высокий юноша с пепельными волосами. Он ловко обогнул матросов, что вытянули ноги на ящиках, наслаждаясь отдыхом, и отвесил глубокий поклон своему господину. Каллен Икрай, повязанный брат Мерика, служил на «Джане» первым помощником капитана.

– Ты рано вернулся, – сказал Каллен.

Когда он выпрямился, Мерик отметил красные пятна на бледных щеках Каллена и легкое замедление дыхания. Все указывало на приступ одышки.

– Плохо себя чувствуешь? – спросил Мерик, стараясь говорить тише.

Каллен сделал вид, что не услышал, хотя воздух вокруг юношей похолодел. Верный признак того, что друг хочет сменить тему.

На первый взгляд ничто в повязанном брате Мерика не указывало на то, что он подходит для жизни в море. Он был слишком высок, чтобы удобно разместиться в каюте под палубой, его светлая кожа краснела с постыдной легкостью, и он не любил фехтовать. Не говоря уже о том, что его густые белые брови передавали слишком много эмоций для любого уважающего себя моряка.

Но, Ноден свидетель, как же Каллен управлялся с ветрами!

В отличие от Мерика, ведовской дар Каллена не ограничивался воздушными потоками – он был полноценным колдуном воздуха, способным управлять легкими человека, властвовать над жарой и бурями, а однажды он даже остановил настоящий ураган. Колдуны вроде Мерика встречались довольно часто и в той или иной степени могли управиться с ветрами, но, насколько он знал, Каллен был единственным человеком, контролирующим воздух во *всех* его видах.

Но больше всего Мерик ценил не ведовской дар Каллена, а его острый, как гвозди, ум и неизменную, как прилив на море, верность.

– Как прошел званый обед? – спросил Каллен, и воздух вокруг него снова потеплел. Он даже изобразил свою обычную неловкую улыбку. Да уж, улыбаться повязанный брат не умел.

– Пустая трата времени, – ответил Мерик. Он прошелся по палубе, стуча каблуками по дубовым доскам. Матросы останавливались, чтобы отсалютовать ему ударом кулака по груди у сердца. Мерик рассеянно кивал каждому.

Потом он вспомнил, что у него в кармане кое-что лежит, достал салфетку и протянул ее Каллену.

Между ними повисла пауза в несколько выдохов.

– Обьедки?

– Я пытался сделать намек, – ответил Мерик и застучал каблуками еще громче. – Глупый намек, который никто не понял. Есть какие-нибудь новости из Ловатса?

– Да, но, – поспешил добавить Каллен, успокаивающе поднимая руку, – ничего нового о здоровье короля. Я слышал только, что он все еще прикован к постели.

Под грузом разочарования плечи Мерика опустились. Он уже несколько недель не слышал никаких подробностей о состоянии отца.

– А моя тетя? Она вернулась?

– Да.

– Хорошо. – Мерик кивнул, довольный хотя бы этим. – Пришли тетю Эврейн в мою каюту. Я хочу расспросить ее о Золотой гильдии... – Он замолчал, доски под ногами закрипели. – В чем дело? Ты так смотришь на меня, только когда что-то идет не так.

– Да... – Каллен сделал паузу и почесал затылок. Его взгляд переместился на огромный барабан, закрепленный на квартердеке¹. Новобранец, чье имя Мерик так и не смог запомнить, чистил две колотушки для этого барабана. Ведовскую – чтобы вызывать резкие порывы ветра. И обычную – чтобы отстукивать сообщения и задавать ритм гребцам. – Нам следует обсудить это наедине, – наконец закончил Каллен. – Это касается твоей сестры. Кое-что... *доставили* для нее.

Мерик сдержал рвущееся проклятие и поднял плечи. С тех пор как Серафин назначил Мерика нубревнийским посланником на переговорах о Перемирии, то есть временным адмиралом Королевского флота, Вивия испробовала тысячу разных способов, чтобы вернуть себе власть.

Мерик вошел в каюту. Его шаги эхом отразились от белых потолочных балок, когда он направился к привинченной к полу кровати в правом углу.

Каллен тем временем переместился к длинному столу в центре каюты, заваленному картами и счетами. Стол тоже был привинчен, а трехдюймовый² бортик не позволял бумагам разлетаться во время шторма.

Солнечный свет проникал сквозь окна, отражаясь от коллекции мечей короля Серафина, развешанной на дальней стене – идеальное место для того, чтобы Мерик случайно коснулся одного из них во сне и оставил на нем трудно сводимые отпечатки пальцев.

В данный момент этот корабль принадлежал Мерику, но он не питал иллюзий, что так будет и впредь. Во время войн королева правила сушей, а король – морями. Так что «Джана», названная так в честь покойной королевы, считалась кораблем отца, и она снова к нему вернется, когда тому станет лучше.

Если король Серафин выздоровеет – а он должен был выздороветь... В противном случае следующей в очереди на трон будет Вивия... Чего Мерик пока даже не хотел представлять. Или как-то этому мешать. Вивия была не из тех, кого устраивало управление только сушей или морем. Она хотела контролировать и то и другое и не пыталась как-либо скрывать это.

¹ Палуба в кормовой части корабля, на которой обычно находится шкипер. – *Здесь и далее примеч. пер.*

² 1 дюйм = 2,54 см.

Мерик стоял на коленях возле единственной вещи, принадлежащей ему на корабле, – сундука, надежно прикрепленного к стене. Быстро порывшись в нем, он нашел чистую рубашку и свой сине-голубой адмиральский мундир. Ему хотелось поскорее избавиться от парадного костюма, ведь ничто так не тешит мужское самолюбие, как оборки на воротнике.

Пальцы Мерика принялись расстегивать тысячу-другую пуговиц на парадной рубашке, и он присоединился к Каллену за столом.

Тот развернул карту Джадансийского моря – части океана, омывающего империю Дальмотти.

– Вот что пришло для Вивии.

Он положил на карту миниатюрный корабль, который выглядел совершенно так же, как любой другой корабль гильдий Дальмотти из пришвартованных снаружи. Крохотное судно заскользило по бумаге и остановилось возле надписи, отмечавшей на карте Веньясу.

– На фигурку наложены ведовские чары. Она показывает на карте, куда плывет привязанный к ней корабль. – Каллен перевел взгляд на Мерика. – По словам пройдохи, что принес фигурку, этот корабль принадлежит Пшеничной гильдии.

– И почему, – начал Мерик, сдавшись перед пуговицами и просто стянув рубашку через голову, – Вивию волнует торговый корабль? – Он запихал одежду в сундук и оперся руками о стол. На обнаженной руке виднелось выцветшее ведовское клеймо в виде неровного бриллианта. – И что, по ее мнению, нам следует делать?

– Лисицы, – произнес Каллен, и воздух в комнате стал ледяным.

– Лисицы, – повторил Мерик, и это слово эхом отозвалось у него в голове. Внезапно все встало на свои места. Он бросился к сундуку и распахнул его. – Ничего глупее сестра не могла придумать, хотя она не раз старалась. Скажи Гермину, чтобы связался с колдуном голоса при Вивии. Сейчас же. Я хочу поговорить с сестрой, когда куранты пробьют следующий час.

– Есть.

Стук сапог Каллена стал удаляться, а Мерик вытащил из сундука первую попавшуюся рубашку. Он натягивал ее через голову, когда услышал, что дверь каюты широко распахнулась... и тут же захлопнулась.

При этом звуке Мерик стиснул зубы и постарался сохранить самообладание. Запереть гнев внутри.

В конце концов, это было совершенно обычное для Вивии дело. Так почему он должен удивляться или злиться?

Лисицы в прошлом были пиратами, знаменитыми во всей Нубревнии. Их тактика состояла в использовании небольших полугалер. Эти двухмачтовые судна легко перемещались при помощи весел, что давало им возможность лавировать между песчаными отмелями и устраивать засады на более крупные корабли.

Но флаг Лисиц – морская лисица, обвивающая ирис подобно змее, – не поднимался на мачты уже несколько веков. С тех пор как Нубревния обзавелась собственным флотом, в этом просто не было нужды.

Пока Мерик стоял, пытаясь подобрать аргументы, к которым могла бы прислушаться его сестра, за ближайшим иллюминатором что-то промелькнуло. Однако, кроме волн, набегающих на отмель, и торгового судна, покачивающегося рядом, ничего необычного он не заметил.

Разве что... время прилива еще не наступило.

Мерик бросился к иллюминатору. Веньяса стояла на болотах, и только по двум причинам мог начаться неожиданный прилив: землетрясение...

Или ведовство.

Точнее, чье-то *распадающееся* ведовство.

Мерик бросился к двери.

– Каллен! – закричал он, выскакивая на главную палубу.

Волнение усилилось, и «Джана» накренилась.

Через два корабля к северу от нее по сходням торгового судна на мощенную булыжником улицу, пошатываясь, спускался громадный моряк. Он ожесточенно чесал предплечья и шею. Даже с такого расстояния Мерик мог разглядеть черные гнойники, пузырившиеся на его коже. Скоро магия опустошит его до предела и кинется пожирать ближайшую человеческую жизнь.

Волны вздымались все выше, подчиняясь распадающейся магии. Несколько человек на причале заметили мужчину и закричали от ужаса, но большинство людей охватило оцепенение, они словно не видели волн и не слышали криков. Они оказались беззащитны и не знали, что делать.

Тогда Мерик сделал единственное, что пришло ему в голову. Он еще раз позвал Каллена, а затем собрал весь свой ведовской дар, чтобы заставить воздух подхватить его и поднять как можно выше.

Мгновением позже Мерик взлетел.

Глава 5

Сафи была на грани отчаяния: на плече белел помет чайки, полуденная жара сводила с ума, и ни *один* из шести кораблей, стоявших в доке, не нуждался в новых рабочих. Особенно в рабочих, одетых как ученицы гильдии.

Изольда ушла вперед и присоединилась к толпе на пристани. Даже на таком расстоянии Сафи видела, как подруга возится с платком и перчатками, пытаясь что-то разглядеть в мутной воде.

Удивленно подняв брови, Сафи стала всматриваться в набегающие волны. В воздухе чувствовалось напряжение. Из-за него волосы на руках вставали дыбом, а вдоль позвоночника бежали мурашки.

И тут ее ведовской дар ожил: в области шеи возник нестерпимый зуд, предвещающий нечто неправильное. Нечто очень, очень *неправильное*.

Рядом стремительно распадалась чья-то магия.

Однажды Сафи уже переживала подобное – ее сила вдруг стала разрастаться, и в какой-то момент она испугалась, что сейчас взорвется. Любой, кто обладал даром ведовства, мог почувствовать приближение критического момента. Мог почувствовать, как мир выходит за пределы ведовского порядка. И если рядом оказывался кто-то еще, не обладающий даром – как большинство людей на пристани сейчас, – то он очень быстро умирал.

Крик разорвал уши Сафи, подобно грому. Изольда. Прокричав «В сторону!», Сафи бросилась вперед, чуть наклонила голову и в кувырке выхватила нож, спрятанный в сапоге. Им она обычно не атаковала, а отбивала удары меча, но это все равно было оружие и к тому же острое.

При необходимости им запросто можно было выпотрошить человека.

Поднявшись на ноги, Сафи выхватила нож и быстрым движением разрезала юбку. Теперь ноги ничто не сковывало. Она побежала быстрее, сжимая нож в руке.

Волны становились все выше. Сильнее. Порывы силы хлестали по коже Сафи, словно тысяча лживых слов, сказанных одновременно.

Распадающееся ведовство явно было связано с водой: торговые корабли все качались и качались... скрипели и скрипели... А потом начали врезаться в пристань.

Сафи добежала до каменного причала. Выдохнув, она окинула взглядом открывшуюся ей картину: там стоял почти распавшийся колдун прилива, его кожа сморщилась от магии, а из пореза на груди сочилась черная, как смола, кровь.

Всего в нескольких шагах от него стояла Изольда – ее юбка уже была предусмотрительно разрезана.

«Моя школа», – одобритительно отметила про себя Сафи.

А слева, с грацией неопытной летучей мыши, у которой к тому же сломали крыло, парил какой-то колдун воздуха. Он раскинул руки, призывая ветер нести его.

У Сафи в голове вертелись всего две мысли. Первая: откуда взялся этот нубревнец? И вторая: ему стоит научиться застегивать рубашку.

И тут парень в плохо застегнутой рубашке оказался прямо перед ней.

Она закричала во всю мощь легких, но добила лишь нескольких брошенных на нее взглядов. Девушка выронила нож и врезалась в колдуна. Оба рухнули на землю, и парень оттолкнул ее в сторону:

– Не подходи! Я сам разберусь!

Сафи не обратила на него внимания – он же явно был идиотом – и, теряя драгоценное время, попыталась его обогнать. Выхватила нож и кинулась к распадающемуся. Изольда уже была рядом, в воздухе мелькал стальной вихрь ее изогнутых клинков. Колдун даже не попы-

тался уйти от удара, серпы Изольды вонзились ему в живот и оттуда брызнула густая, темная кровь.

Почерневшие органы вывалились наружу.

И тут на улицы хлынула вода. Корабли с оглушительным треском ударились о камни. Налетела вторая волна, а сразу за ней – третья.

– Каллен! – закричал нубревниец из-за спины Сафи. – Удерживай воду!

Сквозь тело Сафи прокатился поток воздуха, направленный в сторону надвигающихся волн.

Ведовской ветер ударил в водяную стену, и волны отхлынули назад, оставляя длинный пенистый след.

Но распадающемуся было все равно. Его потемневшие глаза уставились на Сафи, он протянул к девушке руки и обрушился на нее, как шквал.

Сафи с разбегу ударила его ногой. Каблук врезался мужчине в ребра, и колдун повалился вперед, как раз когда Изольда начала вращаться вокруг себя, нанося удары серпами. Удар ее ноги пришелся в подбородок колдуна и изменил угол падения.

Мужчина рухнул и ударился головой о булыжники. Черные гнойники лопались на его коже, забрызгивая улицу кровью.

Но он все еще был жив и оставался в сознании. С рыком, похожим на вой урагана, он поднялся на ноги.

В этот момент нубревниец снова решил вмешаться. Он подбежал к распадающемуся колдуну, и у Сафи от страха перехватило горло.

– Ты что *творишь*? – выдавила она из себя.

– Я же сказал, что сам разберусь! – прорычал он.

Парень поднял руки и с силой, от которой у Сафи запылали легкие, ударил колдуна по ушам. Воздух взорвал его мозг внутри черепа, потемневшие глаза закатились.

Распадающийся рухнул на камни. Мертвый.

Изольда откинула подол и спрятала изогнутые клинки в потайные ножны. Дальмоттийцы в толпе поспешно проводили по глазам двумя пальцами – знак, отгоняющий зло, и одновременно просьба к богам защитить их души. Часть из них отгораживались знаком от распадающегося, но куда больше людей адресовали его Изольде.

Как будто ей так уж были нужны их души.

Но Изольде очень уж хотелось остаться сегодня не побитой камнями, так что она повернулась к мертвецу, натянула платок и мысленно поблагодарила Лунную Мать за то, что он не слетел во время драки.

Она также возблагодарила богиню за то, что никто больше не распался. Такой мощный всплеск мог запросто отправить других колдунов за грань – туда, откуда нет возврата.

Никто не знал, почему колдун может превратиться в распадающегося. Изольда прочла несколько версий, которые связывали порчу ведовства с Пятью Колодцами Истока, разбросанными по Ведовским Землям. Каждый Колодец был связан с одним из пяти элементов: Эфиром, Землей, Водой, Ветром или Огнем. Еще упоминали о шестом элементе – Пустоте, из которой черпают силы пустотные колдуны вроде того колдуна крови, но никто не знал, есть ли на самом деле шестой Колодец.

Возможно, Колодец Пустоты и существовал, но о нем давно забыли. Родники, питавшие его, пересохли. Деревья, которые цвели рядом с ним круглый год, превратились в труху. Подобное наверняка произошло с Колодцами Земли, Ветра и Воды, и, возможно, они тоже когда-нибудь будут потеряны для истории.

И что бы там ни произошло с Колодцами на самом деле, ученые единодушно не считали простым совпадением то, что единственными колдунами, способными распасться, были кол-

дуны, связанные с Землей, Ветром или Водой. И если верить кар-авенским монахам, то только приход Кар-Авена мог наполнить мертвые Колодцы или исцелить распадающихся.

Изоolda не думала, что это произойдет в ближайшее время. Не стоило ждать возвращения Кар-Авена, и не стоило надеяться, что на нее перестанут смотреть с ненавистью.

Убедившись, что волосы прикрыты, лицо находится в тени, а рукава натянуты достаточно низко, чтобы спрятать бледную кожу, девушка принялась высматривать нити своей повязанной сестры, которая затерялась где-то в толпе.

И тут Изоolda уловила нечто. Нити, подобных которым никогда не видела. Прямо рядом с ней... на трупе.

Взгляд девушки скользнул по телу распадающегося. Из ушей и ран сочилась черная кровь, но было что-то еще. Гнойники продолжали лопаться, брызги гноя попали на юбку Изоолды и даже тесно затянутый лиф.

Мужчина определенно был мертв, но на его груди извивались три нити. Словно личинки копошились внутри. Короткие, явно обрубленные нити.

Такого просто не могло быть. Мать Изоолды всегда говорила, что у мертвецов нет нитей. И во время номатсийской церемонии сожжения, которую девушка несколько раз видела в детстве, ни у одного из трупов не было нитей.

Чем дольше Изоolda рассматривала тело, тем больше вокруг собиралось народу. Повсюду сновали любопытные, и ей приходилось напрягаться, чтобы что-то рассмотреть сквозь их нити. Чтобы сохранять спокойствие в толпе.

Рядом вспыхнула багровая нить, переполненная яростью, и над ухом раздалось знакомое рычание:

– Ты кем себя возомнил, *ад тебя побери?* У меня все было под контролем.

– Под контролем? – возражал мужской голос с резким акцентом. – Да я тебе жизнь спас!

– А может, ты *сам* – распадающийся? – продолжала кричать Сафи, и Изоolda поморщилась.

Ну да, Сафи всегда так выражала ярость. Или ужас. Всегда вела себя так, когда случалось что-то по-настоящему плохое: либо загоняла эмоции как можно глубже, либо избегала их. Девушка повернулась в сторону багровой нити. Как раз вовремя, чтобы увидеть, что Сафи уже вцепилась в расстегнутую рубашку колдуна воздуха.

– В Нубревнии не умеют одеваться? – Сафи стянула вместе края рубашки. – Вот эта штука вставляется *вот сюда!*

К его чести, нубревниец не шелохнулся. Его лицо окрасилось в алый, как и нити, а губы плотно сжались.

– Я в курсе, – прорычал он, – как работают пуговицы. – Он стряхнул с себя руки Сафи. – И обойдусь без советов от девчонки, измазанной птичьим пометом.

«О нет, – подумала Изоolda. – Только не это». Она уж было приоткрыла рот, чтобы предупредить парня, но тут...

Чья-то рука сжала запястье Изоолды. Прежде чем она успела освободиться от захвата, человек вывернул ей руку за спину.

В глазах Изоолды вспыхнула нить цвета красной глины. Знакомый оттенок раздражения, который она годами наблюдала в ответ на многочисленные истерики Сафи. Значит, Габим вернулся в город.

Марстокиец еще сильнее прижал вывернутое запястье Изоолды к ее спине и прошептал:

– Вперед, Изоolda. Вон в тот узкий переулок.

– Можешь меня отпустить, – тихо сказала девушка. Краем глаза она увидела, что это действительно Габим. На нем были цвета семейства Гасстрель, серый и голубой.

– Пустотник? Ты меня пустотником обозвала? Я на нубревнийском говорю, лошадиная ты задница!

В ответ Сафи разразилась тирадой на нубревнийском, которую трудно было разобрать в шуме толпы.

Изольда терпеть не могла, когда нити Сафи становились настолько яркими. Они буквально ослепляли, впивались ей прямо в глаза и сердце.

Но Габим ни на секунду не замедлил шаг, пока вел Изольду мимо какого-то нищего, распевającego «Плач Эридисы». Они дошли до узкого переулочка между захудалой таверной и еще более захудалой лавкой старьевщика. Изольда вошла в переулок, ее шатало, под ногами постоянно оказывались какие-то лужи, а в нос проникала нестерпимая вонь кошачьей мочи.

Девушка высвободила запястье и повернулась к наставнику. Обычно он вел себя куда мягче. Габим, конечно, был опасным человеком, два десятка лет он служил телохранителем у Эрона фон Гасстреля, но, кроме того, он был очень осторожным и спокойным. Отлично умел держать себя в руках.

По крайней мере так было до этого момента.

– Что, – начал он и угрожающе близко придвинулся к Изольде, – вы устроили? Ты зачем вытащила оружие при всех? Адские врата, Изольда, надо было все бросить и бежать!

– Там был распадающийся, – начала она, но Габим шагнул еще ближе.

Он был невысокого роста, и вот уже три года как Изольда достаточно выросла, чтобы их глаза оказывались на одном уровне. Сейчас глаза Габима окружали морщины гнева.

– Любый распадающийся – это проблема городской стражи. А вот у вас проблемы с ней. Грабеж на большой дороге, так, значит?

У нее перехватило дыхание.

– Как ты узнал?

– Повсюду выставили посты. Мы с Мэтью наткнулись на один по пути в город и узнали, что стража ищет двух девушек, одну с мечом, а другую – с серпами. И как ты думаешь, Изольда, сколько вообще людей умеют сражаться такими клинками? – Он указал на ножны девушки. – А у тебя как у уроженки народа номатси нет права на защиту, и за одно публичное ношение оружия здесь могут повесить! – Габим резко развернулся и отошел на три шага, но тут же вернулся. – Начинай соображать, Изольда!

Девушка сжала губы. *Покой. Покой повсюду, от кончиков пальцев рук до кончиков пальцев ног.*

Вдалеке слышался нарастающий грохот барабанов, означавший, что стражники города Веньяса уже в пути. Они обезглавят тело распадающегося, как того требует закон.

– Т-ты закончил кричать? – спросила она через силу. Старое заикание вернулось. – П-потому что нам надо вернуться к Сафи и п-покинуть город.

Ноздри Габима расширились, он сделал глубокий вдох. Изольда видела, как он с усилием возвращает контроль над эмоциями, как разглаживаются морщины на его лице, а нити приобретают естественный цвет.

– Тебе нельзя возвращаться к Сафи. И ты не сможешь выбраться через этот переулок. У гильдмейстера Йотилуцци на службе колдун крови, тварь, пришедшая прямо из Пустоты, не знающая пощады и сомнений. – Габим покачал головой, и в его нитях впервые появились оттенки серого – признак страха.

У Изольды еще сильнее перехватило горло. Габим никогда ни перед чем не испытывал страха.

Колдун. Крови. Колдун. Крови.

– Дядя Сафи в городе, – продолжил Габим, – на переговорах по Перемирию, так что...

– Дон фон Гасстрель здесь?

У Изольды даже рот приоткрылся. Габим не мог бы сказать ничего более удивительного. В прошлом она дважды встречалась с израненным в боях Эроном, каждый раз он был неизменно пьян и полностью соответствовал описанию и жалобам Сафи.

– Все карторранские аристократы обязаны прибыть сюда, – пояснил Габим и снова начал нервно вышагивать по переулку. Три шага влево. Три вправо. – Генрик собрался сделать какое-то важное заявление и, что совершенно в его духе, использует переговоры в качестве своих личных подмоштов.

Изольда уже не слушала.

– Сафи ведь тоже считается аристократкой?

Выражение лица Габима смягчилось. В его нитях мелькнула персиковая нежность.

– В том числе и Сафи. А это значит, что она окажется под защитой своего дяди и всего двора карторранской знати. Они укроют ее от колдуна крови Йотилуцци. Но вот ты...

Габиму не надо было заканчивать свою мысль. Сафи защитит ее титул, а вот происхождение Изольды принесет ей только неприятности.

Девушка прикоснулась к лицу, потерла щеки, виски, но пальцы почти ничего не чувствовали, а шум толпы и грохот барабанов городской стражи воспринимались как едва слышный гул.

– Так что же мне делать? – спросила она наконец. – Я не могу позволить себе купить место на корабле, а если бы и могла, мне некуда плыть.

Габим махнул рукой в сторону конца переулка.

– В нескольких кварталах отсюда есть гостиница «Боярышник». Я снял там комнату, а в стойле ждет лошадь. Останешься там на ночь и завтра, на закате, сможешь перебраться в такую же гостиницу на северной стороне. Мы с Мэтью догоним тебя. А пока разберемся с колдуном крови.

– На одну ночь? И что это решит?

Габим вздохнул и пристально посмотрел на девушку, словно пытался разглядеть, какого цвета нити Изольды. Как будто пытался понять, сколько в ней правды, а сколько лжи.

– Сафи родилась доньей. И ты должна помнить об этом, Изольда. Ее готовили к тому, чтобы быть доньей. И сегодня вечером ее ждут на переговорах по Перемирию. Генрик прямо об этом сказал, а значит, она не может отказаться. А ты не можешь встать у нее на пути.

«Ты не можешь встать у нее на пути». Эти простые слова окончательно сломили Изольду. Несмотря на то что Сафи потеряла все их сбережения, несмотря на колдуна крови, что шел по их следу, девушка продолжала верить, что все как-нибудь образуется. Что клубок неприятностей как-нибудь распутается и через несколько недель жизнь вернется в привычное русло.

Это... это было похоже на конец. Сафи должна была стать доньей, все просто и ясно, и в ее новой жизни не было места для Изольды.

«Утрата, – подумала она, пытаясь определить, что за чувство возникло в ее груди. – Должно быть, так ощущается утрата».

– А я тебе говорил, – хрипло произнес Габим, окидывая девушку взглядом – так генерал рассматривает солдата. – Сотню раз говорил, Изольда, но ты же не слушаешь. И не веришь. Почему мы с Мэтью поощряли твою дружбу с Сафи? Почему обучали вас обеих?

Изольда с силой выдохнула, мечтая, чтобы вместе с воздухом ее тело покинули ненужные мысли.

– Потому что, – повторила она то, что ей давно говорили, – никто так не сможет защитить Сафи, как тот, кто повязан с ней.

– Именно. Связи, создаваемые нитями, нерушимы, и ты знаешь это лучше, чем кто-либо другой. В тот день, шесть лет назад, когда ты спасла жизнь Сафи, вы навсегда оказались повязаны. И ты все еще готова умереть за Сафи, как и она за тебя. Так что сделай это ради нее, Изольда. Спрячься на одну ночь, позволь нам с Мэтью разобраться с колдуном крови, и, возможно, уже завтра ты вернешься к сестре.

Повисла пауза.

Изольда кивнула.

«Хватить вести себя как испуганная дурочка», – сказала она себе. Совсем как мама. Никакой это не конец, и у Изольды должно было хватить мозгов, чтобы сразу это понять.

– Отдай мне серпы! – приказал Габим. – Завтра я тебе их верну.

– Это мое единственное оружие.

– А еще ты – номатси. Если тебя остановит патруль... Мы не можем рисковать.

Изольда с силой потеряла переносицу и буркнула под нос:

– Ладно.

Отстегнула ножны с бесценными кривыми клинками и с детской обидой сунула их в руки Габиму. Его нити замерцали голубым цветом печали. Он отошел вглубь переулка и достал откуда-то из тени холщовую сумку, пропитанную воском от воды. И извлек оттуда грубое черное покрывало.

– Кожа саламандры. – Он накинул покрывало на голову и плечи Изольды, сколот под подбородком булавкой. – Пока ты под ним, колдун крови не сможет тебя учуять. Не снимай его, пока мы не встретимся завтра вечером.

Изольда кивнула. Под жестким покрывалом было сложно двигаться. К тому же, Лунная Мать свидетель, в нем было ужасно жарко.

Габим сунул руку в карман и достал мешочек, в котором звякнули монеты.

– Этого должно хватить на ночлег и лошадь.

Изольда взяла пиестры и повернулась к двери, выходящей в переулок. За ней раздавался звук поварских ножей и бульканье воды в котлах. Ее рука задержалась на несколько секунд на ржавой ручке.

Все было как-то... неправильно.

Какой повязанной сестрой была бы Изольда, если бы ушла, не попрощавшись с Сафи, или не оставила подсказку? Какой-нибудь запасной план на случай, если дело пойдет по худшему сценарию?

– Ты можешь передать Сафи сообщение? – спросила Изольда подчеркнуто спокойно.

Габим кивнул, и она продолжила:

– Передай, что мне жаль, что пришлось уйти. Пусть не вздумает потерять мою любимую книгу. И... – Изольда подняла бровь, давая понять, что мысль только что пришла ей в голову. – Скажи, что не стоит перерезать тебе горло. Уверена, именно это она захочет сделать, когда узнает, что ты отослал меня.

– Я передам, – очень серьезно пообещал Габим, и его нити засветились. – А теперь иди, я уверен, что колдун крови уже в пути.

Изольда кивнула, совсем как солдат, отдающий честь своему генералу, после чего распахнула дверь таверны и шагнула в душную, переполненную людьми кухню.

Глава 6

По мере того как приближались барабаны, гнев Сафи разгорался все сильнее. Она не погналась за этим проклятым нубревнийцем, когда он шел к своему кораблю – со *все еще* расстегнутой рубашкой! – только потому, что рядом с ним обнаружился самый высокий и самый бледный парень из тех, что она видела. А еще она потеряла из виду Изольду.

Поиски повязанной сестры пришлось прекратить, когда барабанный бой и стройный топот ног городской стражи оборвались. Толпа на причале затихла.

Удар, стук... брызги.

На долгий миг единственными слышными звуками стали воркование голубей, шум ветра и спокойный плеск волн.

Потом тишину, словно зазубренным ножом, прорезал придушенный всхлип – возможно, кто-то из родных покойника. Звук эхом отдавался в ушах Сафи. Что-то сжалось в груди. Минорный аккорд, заполнивший пустоту.

Чья-то рука опустилась на плечо Сафи. Габим.

– Сюда, Сафи. Там карета...

– Мне нужно найти Изольду, – сказала она, не двигаясь. Не моргая.

– Она сейчас в безопасности. – Выражение лица Габима оставалось мрачным, но в этом не было ничего необычного. – Клянусь, – добавил он, и ведовской дар Сафи шепнул: «Правда». Где-то в груди раздалось теплое мурлыканье.

Прямая, как корабельная мачта, Сафи последовала за Габимом к закрытой карете без гербов и вензелей. Он усадил ее внутрь, закрыл дверцу и задернул тяжелую занавеску в окне. Потом скороговоркой рассказал, как они с Мэтью узнали девушек в описании стражи по их оружию и вскоре нашли разгромленную кофейню.

Краска стыда заливала шею Сафи, пока она слушала. Мэтью был для нее не просто наставником, он был членом семьи, и теперь из-за ее ошибок его дом оказался разрушен.

Но когда Габим упомянул, что отправил Изольду в гостиницу, одну, без охраны, весь ужас этого дня потонул в ярости Сафи. Девушка дернулась в сторону двери кареты...

Но Габим остановил ее прежде, чем она успела повернуть ручку.

– Стоит открыть дверь, – прорычал он, – и колдун крови учует тебя. Но если держать ее закрытой, монах не сможет тебя выследить. Эта занавеска сделана из кожи саламандры, Сафи, и на Изольде сейчас такой же плащ.

Сафи замерла, в глазах потемнело от нехватки воздуха, а шрам на тыльной стороне правой руки Габима расплылся. Она не могла поверить, что Изольда вот так просто ушла. Одна. Без Сафи.

В этом не было никакого смысла, но ее ведовской дар говорил, что это правда.

Так что она кивнула, Габим выпустил ее, и девушка вернулась на место. Габим из всех ее наставников был самым нетерпеливым. Он заводился быстрее других и с трудом выносил импульсивность Сафи.

– И я знаю, что вся эта история – дело твоих рук. – Мягкий голос Габима заполнил все пространство кареты. – Только ты могла поступить настолько безрассудно. А Изольда, как обычно, последовала за тобой.

Сафи не стала спорить – это была неоспоримая правда. Может, в карты предложила сыграть и Изольда, но вот все остальные решения – абсолютно неверные – были на совести Сафи.

– Твоя ошибка, – продолжал Габим, – возможно, разрушила план длиной в двадцать лет. Но сейчас, когда Эрон в городе, мы сделаем все, чтобы спасти ситуацию.

Девушка напряглась.

– Дядя Эрон? – переспросила она. – *Здесь?*

Пока Габим рассказывал, как Генрик созвал всю карторранскую знать, чтобы сделать какое-то важное заявление, Сафи постаралась вести себя так же, как наставник. Успокоиться. Расслабиться. Ей нужно все обдумать, как это всегда делала Изольда. Оценить противников и местность...

Но анализ и стратегия никогда не были ее сильными сторонами. Каждый раз, когда Сафи пыталась упорядочить осколки этого сумасшедшего дня, они разлетались на части, и собрать их становилось все сложнее. Дядя Эрон здесь. В Веньясе. Эта мысль не давала ей покоя. Сафи не видела его уже два года и надеялась больше никогда не увидеть. Одно только упоминание об Эроне словно говорило ей, что, какую бы чудесную жизнь она ни построила в Веньясе, в Гасстреле ее поджидала совсем другая.

Сейчас Сафи как никогда нуждалась в Изольде. Она всегда полагалась на повязанную сестру, если требовалось сохранить ясность ума и сосредоточенность. Действовать, бегать и драться – вот что сама Сафи умела делать хорошо.

Руки так и чесались открыть дверь. Ноги напряглись в предвкушении, когда девушка с мучительной медлительностью потянулась к защелке.

– Не трогай! – приказал Габим. – И в любом случае, что ты собираешься делать? Удариться в бег?

– Найду Изольду, – тихо ответила Сафи, пока рука продолжала тянуться к двери, – а потом убегу.

– И колдун крови сразу найдет тебя, – сказал Габим. – Пока ты остаешься с дядей, ты в безопасности.

– Как когда-то мои родители? – Слова вырвались прежде, чем Сафи смогла остановиться. Но, хотя она была готова к молниеносному наказанию, Габим промолчал.

Наконец он сказал:

– Адские Алебарды защищают своих, но империя всегда превыше всего. И тогда, восемнадцать лет назад, империя была превыше всего.

– И поэтому император Генрик с позором отстранил его от должности, верно? Он *из благодарности* возложил на дядю Эрона позорную обязанность быть моим регентом и нянькой?

Габим не стал продолжать. Даже выражение его лица не изменилось. Сафи не в первый раз испытывала у наставника подробности о прошлом дяди и не в первый раз получала в ответ лишь холодное молчание.

– Ты отправишься домой, к гильдмейстеру Аликсу, – ровным тоном произнес Габим, откидывая край занавески и выглядывая наружу. – Ты должна была пойти к нему с самого начала – он смог бы уберечь тебя от колдуна крови.

– Откуда мне было знать? – Сафи наконец убрала пальцы с защелки и выпрямилась. – Я думала, что поступаю правильно, оберегая от неприятностей Аликса.

– Крайне заботливо с твоей стороны. Но в следующий раз постарайся доверять людям, которым поручена твоя безопасность.

– Изольда тоже меня оберегает, – сказала Сафи. – Но ее-то ты отослал.

Габим снова проигнорировал ее слова. Вместо этого он опустил подбородок и стал смотреть куда-то мимо Сафи.

– Кстати, об Изольде. Она велела попросить тебя не перерезать мне горло. Также она извиняется за то, что ушла, и просит не потерять ее книгу.

– Изольда... извиняется?

Совсем не похоже на Изольду. Особенно в этом конкретном случае, когда вся вина лежит на Сафи.

А значит, в ее словах скрывается послание.

В эту игру девочки играли на протяжении многих лет. Мэтью научил их *говорить одно, а подразумевать другое*, и это развлекало обеих, особенно во время скучных уроков истории, которые вел сам Мэтью.

Но сейчас это не было развлечением.

Не перерезать горло Габиму – это значило ждать. Делать то, что приказал Габим. Отлично. Сафи будет послушной. Но книга... Она никак не могла разгадать эту часть послания.

– Наши вещи, мои и Изольды, – медленно произнесла Сафи, – остались в мешке в порту.

– Я захватил его. Он у кучера. – Габим стукнул в крышу кареты и бросил беглый взгляд за занавеску. Карета с грохотом остановилась, и Габим бесстрастно добавил: – Держись подальше от неприятностей, пожалуйста.

После чего выскочил из кареты и растворился в водовороте полуденной толпы.

Сильнее сжав кулаки, Сафи выбралась наружу. Стук лошадиных копыт, визг колес и шорох подошв заглушил скрип ее зубов.

Жилище гильдмейстера Аликса представляло собой украшенный колоннами особняк, который окружали заросли роз и жасмина. Как и все главы гильдий империи Дальмотти, он жил в самом богатом районе города, у Восточного канала. Сафи была выделена отдельная комната, а еще нестарый светловолосый хозяин всегда был добр к девушке. Но для Сафи этот роскошный особняк так и не смог стать домом. В отличие от каморки Изольды на чердаке.

В отличие от нового обиталища, о котором они так мечтали.

Несколько долгих мгновений Сафи стояла у железных ворот и раздумывала, не стоит ли развернуться и бежать. Но ее горло горело от жажды, и Сафи не была уверена, что сможет разыскать Изольду и не наткнуться при этом на колдуна крови.

Боги свидетели, все вокруг рушилось на глазах, и в этом была виновата только Сафи. Сначала она поддалась чарам Хитрого Хлыща. А потом решила ограбить его карету.

И так было всегда: Сафи заваривала кашу, а кто-то другой разгребал последствия. И вот уже шесть лет этим кем-то оказывалась Изольда. Сколько еще раз ошибется Сафи, прежде чем Изольде это окончательно надоест? В один прекрасный день она сдастся, как многие другие до нее. И Сафи молилась – отчаянно, яростно молилась, – чтобы это произошло не сегодня.

Ничего не случится, подсказывала ей логика. Иначе Изольда не передала бы через Габима послание и не оставила ей книгу. Но разгадать послание Сафи сможет, только если войдет в особняк Аликса, как ей было велено.

Так что она, хрустнув костяшками пальцев напоследок, подошла к воротам и позвонила в колокольчик.

Несмотря на цветы и сосуды с благовониями, в доме главы Шелковой гильдии всегда ощущался запах, доносившийся из канала. От него невозможно было укрыться. Сафи смотрела на канал из окна своей спальни на втором этаже и нетерпеливо постукивала ногой по небесно-голубому ковру. Сердце бешено билось в такт.

На большой кровати с балдахином, где она редко спала, лежали платья из тончайшего шелка. Гильдмейстер Аликс уже не в первый раз оставлял наряды для Сафи, а эти были еще прекраснее, чем все, что она получала в подарок раньше.

Позади девушки раздались шаги. Мэтью. Сафи была знакома эта неторопливая походка, и когда она повернулась к наставнику, то увидела, что его худое веснушчатое лицо превратилось в маску из жестких линий, а рыжие волосы блестели в полуденном свете.

Трудно было найти двух людей, более непохожих друг на друга ни по внешности, ни по характеру, чем Габим и его повязанный брат. Из них двоих Сафи больше нравился Мэтью. Возможно, потому, что девушка чувствовала: он ценит ее больше, чем Габим. Сафи и Мэтью были родственными душами: предпочитали действовать, а не размышлять и смеяться, а не грустить.

Даже если бы Мэтью не был колдуном слова, он все равно стал бы мошенником высочайшего класса. Габим научил Сафи использовать тело как оружие, но именно Мэтью натренировал ее разум. Красноречие. Сафи никогда не понимала, зачем Мэтью обучает ее некоторым вещам, связанным с его ведовским даром, о которых было не принято распространяться в приличном обществе, но боялась спросить об этом напрямую. А вдруг он бы перестал?

Как и Габим, Мэтью был одет в цвета семейства Гасстрель, хоть и не служил, в отличие от Габима, дяде Сафи.

– Твое барахло.

Мэтью бросил на кровать знакомый аварийный мешок, но Сафи сдержалась и не рванулась к нему. Хотя, конечно, кинула быстрый взгляд, чтобы убедиться: книга Изольды внутри.

Она была на месте: из мешка торчал уголок синего переплета.

– Значит, кофейню разгромили... – Долговязый Мэтью навис над Сафи, загородив от нее мешок, как, впрочем, и все остальное. Она видела только пару немигающих зеленых глаз. – Вышибли дверь, разбили окна. Что за адское пламя заставило вас устроить засаду на главу гильдии?

Сафи сжала губы.

– Роковая случайность. В ловушку угодила не та добыча.

– Так, значит...

Плечи Мэтью заметно расслабились. Он внезапно подошел вплотную и взял Сафи за подбородок, как делал уже тысячу раз за последние шесть лет. Повернул ее голову влево, вправо, ища порезы, синяки или малейшие признаки подступающих слез. Но девушка не пострадала, и до слез было еще очень далеко.

Рука Мэтью опустилась. Он сделал шаг назад.

– Рад, что ты цела.

После этой единственной фразы у Сафи перехватило дыхание, и она обхватила парня за шею.

– Прости меня, – прошептала девушка ему в лацкан, тот самый, где была вышита проклятая летучаямышь-дракон, символ дома Гасстрелей. – Мне очень жаль, что так вышло с твоей кофейней.

– По крайней мере ты жива и в безопасности.

Сафи отстранилась, надеясь, что и Габим так считает.

– Ты нужна своему дяде сегодня вечером, – продолжил Мэтью, направляясь к кровати, и словно наугад взял платье из фисташкового шелка, который переливался в лучах послеполуденного солнца.

Сафи устала на платье. К ее досаде, оно было очень красивым и именно таким, какое она выбрала бы для себя сама.

– Нужна я или мои ведовские умения?

– Ему нужна *ты*, – ответил Мэтью. – Сегодня вечером состоится бал в честь начала переговоров по Перемирию. Генрик отдельно приказал тебе присутствовать на балу.

– Зачем? Я не готова стать доньей и встать во главе дома Гасстрелей...

– Дело не в этом, – прервал ее Мэтью, разглядывая платье. Он задумчиво покачал головой и кинул его на кровать. – Ты нужна для другого.

Правда.

– Дело в том, что мы не знаем, почему Генрик хочет видеть тебя здесь, но Эрон никак не мог отказать ему.

По коже Сафи пробежала ведовская дрожь.

Ложь.

– Не лги мне, – произнесла она тихо, но с угрозой.

Мэтью не ответил. Он вытащил следующее платье – более плотное, бледно-розовое. Сафи решила показать зубы.

– Ты не можешь вот так, без объяснений, отослать мою повязанную сестру.

Мэтью выдержал взгляд Сафи и даже некоторое время казался таким же неумолимым, как его повязанный брат. Но потом напряжение ушло, а в позе парня появился намек на извинения. Он бросил платье.

– Вот-вот колесо истории придет в движение. Твой дядя и многие другие потратили двадцать лет, чтобы это произошло. Перемирие закончится через восемь месяцев, Великая война возобновится. Мы... не можем этого допустить.

Сафи удивленно подняла глаза – такого она *не* ожидала.

– Как ты или мой дядя могут повлиять на ход Великой войны?

– Скоро узнаешь, – ответил Мэтью. – А теперь приведи себя в порядок и надень это платье сегодня вечером.

В словах Мэтью промелькнул слабый след использования ведовской силы, а когда он протянул Сафи серебристое платье, знак на тыльной стороне его запястья – круг, обозначающий эфир, и буква «с», означавшая «слово», – начали светиться.

Сафи обиженно засопела. Она выхватила платье, и оно, словно морская пена, заструилось у нее между пальцами.

– Не трать на меня свой дар.

Ее собственное ведовство странным образом всегда смягчало воздействие чар Мэтью.

Но в ответ он только хмыкнул, словно знал куда больше, чем она могла себе вообразить. Парень галантно отвернулся к двери, давая Сафи возможность начать подготовку к приему.

– Я пришлю служанку, она поможет тебе принять ванну. И не забудь про уши и ногти.

Сафи сделала неприличный жест, адресуя его спине Мэтью, но этот акт неповиновения не принес ей облегчения. С того момента, как она выбралась из кареты, девушку не отпускало нетерпение, ей казалось, что оно облаком висит над ней и уже начинает стекать на половицы, словно черная кровь того распадающегося.

Сафи бросила одежду на кровать, взгляд выхватил уголок книги об ордене Кар-Авена. Она разберется с той кашей, что заварила. Надо только понять послание Изольды. А потом она оценит противников – дядю, колдуна крови, городскую стражу, и местность – Веньясу и дворец, где пройдет прием в честь Перемирия.

И все исправит.

Глава 7

Как и велел Габим, Изольда выбралась на улицу в стороне от пристани. Посильнее натянув на голову капюшон, она пробиралась мимо лошадей и телег, торговцев и слуг, а также нитей всех мыслимых оттенков. Наконец девушка увидела деревянную вывеску. «Боярышник».

Изольда узнала место – несколько месяцев назад Сафи участвовала здесь в карточной игре. Но, в отличие от последнего раза, она *выиграла*.

И тут ей в глаза бросилось белое пятно. Оно сильно выделялось в обычной пестроте улиц города Веньясы.

Это был тот самый кар-авенский монах. И от него не отходило ни одной нити.

У Изольды кровь застыла в жилах. Она замерла, наблюдая, как монах уходит прочь по улице. Он явно выслеживал добычу. Через каждые несколько шагов парень останавливался и откидывал капюшон, словно принимаясь к воздуху.

Именно отсутствие нитей заставило Изольду замереть на месте. Она думала, что вчера просто не заметила нити колдуна крови в суматохе схватки. Но, оказывается, у него *вообще* не было нитей.

Что было невозможно.

У всех есть нити. Должны быть, и всё тут.

– Нужен ковер? – спросил, задыхаясь от бега, торговец в грязном плаще. Он торопливо протискивался сквозь толпу к Изольде. – Этот прибыл прямиком из Азмира, но я отдам за хорошую цену.

Изольда отмахнулась от него.

– Отойди, или я отрежу тебе уши и скормлю их крысам.

Как правило, такая угроза срабатывала. Но обычно девушка не покидала пределы Северной пристани, где уже никто не замечал цвет ее кожи или разрез глаз, характерные для номатси. И *обычно* рядом находилась Сафи, которая умела достаточно выразительно скалиться.

Сегодня все было иначе. В отличие от Сафи, которая мгновенно бы среагировала и помчалась за монахом, не тратя время на размышления, Изольда притормозила для оценки местности.

И за эти несколько мгновений торговец коврами успел подойти к ней в упор и заглянуть под капюшон.

Его нити запылали страхом и черной ненавистью.

– Номатсийское дерьмо, – прошипел он и провел двумя пальцами по глазам в суеверном жесте. Торговец рывком стянул с Изольды капюшон и завопил: – Убирайся *отсюда*, грязная номатси!

Изольде не нужно было повторять. Она сделала то, с чего начала бы Сафи: побежала.

Точнее, попыталась: толпа вокруг нее остановилась и принялась глазеть, пространство превратилось в клубок нитей и звуков. Куда бы девушка ни повернулась, она натыкалась на взгляды, устремленные на ее волосы, кожу, глаза. Инстинктивно Изольда уворачивалась от серых нитей страха и стальной жестокости.

Суматоха привлекла внимание монаха. Он остановился, повернул голову в сторону нарастающих криков толпы...

И посмотрел прямо на Изольду.

Время остановилось. Толпа превратилась в сплетение нитей и звуков.

На долю мгновения, показавшуюся вечностью, Изольда увидела глаза молодого монаха. Красные точки на фоне самого бледного оттенка голубого, который она когда-либо видела. Как кровь, вмерзшая в лед. Как нить сердца, продетая сквозь голубые нити понимания. Изольда невольно задумалась, почему она не заметила этот безупречный голубой цвет во время схватки.

Мысли пронеслись в голове со скоростью тысячи лиг в секунду, и девушка даже успела поразмышлять, действительно ли этот монах такой страшный, как все считали...

И тут его губы шевельнулись. Парень обнажил зубы, и пауза оборвалась. Время помчалось вперед, вернулось к своей обычной скорости.

А Изольда наконец-то побежала, бросившись вслед за какой-то серой лошадей. Она ударила животное локтем в крестец, и лошадь заржала. Молодая женщина в седле закричала. Одновременно с громким воплем и внезапным яростным фырканием животного улица погрузилась в хаос.

Оранжевые нити бешенства вспыхнули вокруг Изольды, но она едва успевала их замечать. Девушка уже проталкивалась сквозь затор и неслась к перекрестку в одном квартале отсюда. Там был мост через ближайший канал. Может быть, если удастся пересечь воду, колдун крови потеряет ее след.

Из-под ног летели брызги уличной грязи, девушка перепрыгивала через нищих, огибала телеги. На полпути к мосту Изольда оглянулась и пожалела, что не побежала раньше. Колдун крови определенно преследовал ее и делал это слишком быстро. Люди, которые так мешали Изольде, послушно расступались перед ним, освобождая путь.

– Шевелись! – крикнула Изольда пуристу с плакатом «Покайся!».

Он не сдвинулся с места, и она ударила его по плечу.

Парень только завертелся вокруг своей оси, как ветряная мельница, но это даже помогло Изольде. Она сбавила скорость, поднырнув под носилками с мусором, которые тащили четверо мужчин, и сделала вид, что поворачивает влево, на мост. В спину ей неслись крики пуриста, который объяснял кому-то, что она побежала *на другую сторону канала*.

Поэтому Изольда не повернула налево, как собиралась, а кинулась прямо сквозь поток телег направо, втайне надеясь, что монах послушает пуриста. Она молилась, отчаянно молилась, чтобы он не учуял ее запах под накидкой из кожи саламандры.

Изольда глубже надвинула капюшон и помчалась дальше. Впереди был еще один перекресток, плотный поток лошадей и телег тянулся с востока на запад ко второму мосту. Она должна была проскочить насквозь и продолжить движение прямо.

Или нет. Увернувшись от тележки дровосека и обогнув прилавок сыровара, девушка вдруг поняла, что проваливается в пустоту.

Широко раскинув руки, Изольда падала напрямик в узкий канал с зеленой мутной водой, где было такое же плотное движение, как и на улицах.

Внизу скользила плоскодонка. Девушка успела окинуть взглядом открывшуюся ей картину: палуба, затянута сетями, и рыбак, глядящий на нее в упор.

Изольда перестала сопротивляться падению. Наоборот, она растворилась в нем.

Воздух устремился навстречу, и натянутые сети приняли ее. И вот она уже была на палубе, ноги пружинили, руки упирались в доски.

Что-то вонзилось в ладонь, какой-то ржавый крюк. Изольда поняла это прежде, чем поднялась на ноги. Рыбак заорал, но девушка уже перепрыгивала на следующее проплывающее мимо судно – низкий паром под красным навесом.

– Осторожно! – крикнула Изольда и приземлилась прямо на палубу парома, схватившись за поручень.

Пассажиры с широко распахнутыми от удивления глазами отпрянули назад. Кровь размалась по перилам, оставалось только надеяться, что алая полоса не выдаст ее колдуну крови.

Девушка перемахнула через паром в четыре приема – похоже, пассажиры хотели, чтобы Изольда покинула судно, так же сильно, как и она сама. Она облокотилась на перила и затаила дыхание, поджидая следующее судно – лодку, полную макрели.

Прыгнула. Ноги заскользили, и девушка упала лицом в чешую. На нее пялилась пара тысяч рыбьих глаз. Рыбак закричал скорее недовольно, чем удивленно. Изольда поднялась на

ноги как раз вовремя, чтобы обнаружить, что его черная борода слишком близко нависает над ней.

Она протиснулась мимо, заехав локтем в живот бородача. Лодка проплывала мимо небольшого причала, где расселись рыбаки с удочками.

Еще прыжок – и Изольда смогла ухватиться за каменный выступ. Никто из рыбаков не предложил помощи, они только отшатнулись назад. Один даже ткнул в девушку удочкой, его нити стали серыми от ужаса.

Изольда ухватила за конец. Нити мужчины вспыхнули ярче, и он попытался выдернуть удочку у нее из рук, но вместо этого вытянул девушку на причал. Она мысленно поблагодарила рыбака и, оказавшись на причале, побежала прочь от канала. Оглянувшись, Изольда увидела, как на камнях расплывается алое пятно. Ладонь почти не болела, а вот кровь шла на удивление сильно.

Изольда выбралась на улицу, вокруг громыхали повозки, и она попыталась понять, что делать дальше. Все планы, что девушка строила, отправились напрямик в адские врата. Теперь ей требовалась передышка. В отличие от Сафи Изольда не могла интуитивно нестись сломя голову и, если ей не давали подумать, сама загоняла себя в угол.

Но пока девушка стояла спиной к каналу, зажав окровавленную руку, прошло несколько таких важных минут, и в голове начала проявляться картина.

Итак, она у главной дороги, которая проходит через весь город. И, скорее всего, именно вдоль нее идет канал. Движение организованное, в двух направлениях. Мимо прошел мужчина, который вел под уздцы коня. На боках животного не было видно пота, похоже, конь хорошо отдохнул. Если заполучить этого коня, на нем можно ускакать прочь из города и уже ночью оказаться у соплеменников.

Хотя возвращение домой, которого Изольда избегала большую часть своей жизни, вряд ли можно считать идеальным решением, поселение племени мидензи было единственным известным ей местом, откуда ее не вышвырнут при первом же взгляде на цвет кожи.

Кроме того, это было единственное место, куда, как она была уверена, колдун крови – даже если он выследит ее по кровавому следу – не сможет прорваться. Земли вокруг поселения изобиловали ловушками, которые не мог обойти ни один чужак.

Так что Изольда быстро стащила с себя плащ, накинула его на голову хозяина коня, а сама вскочила в седло. Конь сердито прижал уши, и Изольде оставалось молиться, чтобы он согласился ее везти.

– Мне так жаль! – крикнула она мужчине. – Я верну лошадь!

После этого Изольда ударила коня по бокам каблуками, и вскоре мужчина оказался далеко позади.

Конь нес ее быстрой рысью, минуя заторы. Изольда время от времени смотрела на канал и в какой-то момент увидела на другой стороне колдуна крови. Рядом не было моста, лодки уже не шли сплошным потоком, так что он не мог перебраться по ним, как это сделала сама Изольда.

Зато он смог улыбнуться и помахать ей рукой. Он постучал пальцами по правой ладони, показывая, что знает, что ее рука кровоточит, и что он сможет найти ее по следу. Значит, скоро он возобновит погоню и наверняка всю дорогу будет улыбаться этой жуткой ухмылкой.

Изольда заставила себя оторвать взгляд от его лица и смотреть только вперед. Прижавшись к коню, она подгоняла его и молилась, чтобы Лунная Мать, или Ноден, или любой другой бог помог ей выбраться из города живой.

Мерик устался на миниатюрный кораблик, скользивший по карте Джадансийского моря. Судя по всему, привязанное к фигурке торговое судно попутный ветер гнал прочь от гаваней Веньясы. Мерiku захотелось вышвырнуть проклятую фигурку в окно.

Колдун голоса Гермин сидел во главе стола. Среди колдунов эфира колдуны голоса были самыми востребованными, ведь они могли общаться с такими же колдунами на большом расстоянии. Поэтому на каждом корабле королевского флота Нубревнии, включая корабль Вивии, был свой колдун голоса. Именно с ним сейчас был на связи Гермин.

Его глаза светились розовым – признак того, что он подключился к нитям голосов. После-полуденный свет мерцал на его изможденном лице. Через открытые окна доносился привычный портовый гул, грохот телег и топот копыт.

Мерик понимал, что лучше закрыть окна, но без сквозняка становилось слишком жарко. К тому же сало в светильниках дымилось и чадило, так что вонь в каюте стояла еще более мерзкая, чем от нечистот в каналах Веньясы.

Но Мерик считал, что лучше сэкономить на вонючем жире, чем переплачивать за бездымные зачарованные фонари. И, конечно же, даже в этом вопросе они с Вивией расходились во мнении.

Как и во многих других вопросах.

– Мне кажется, ты не улавливаешь главного, *Мерри*. – Хотя Гермин произносил слова собственным чуть хрипловатым голосом, он говорил в обычной для Вивии манере – снисходительно и немного вычурно. – Лисицы до сих пор наводят страх на иностранные корабли. Подняв этот флаг сейчас, мы получим серьезное преимущество, когда возобновится Великая война.

– Вот только, – без обиняков заявил Мерик, – мы здесь для того, чтобы вести мирные переговоры. И хотя я согласен, что пиратские флаги когда-то производили эффект на врагов, было это много веков назад. До того, как у империй появились собственные флоты, способные сокрушить наш.

Если не вдаваться в детали, то идея благородного пиратства, когда чужие корабли грабят только для того, чтобы накормить бедных, выглядела привлекательно. И легенды о Лисицах все еще были популярны на его родине. Но Мерик смотрел глубже. Для более обеспеченных граждан воровство все равно останется воровством. И пообещать избегать насилия куда легче, чем сдерживать это обещание.

– У меня еще одна встреча, – продолжал настаивать Мерик. – С Золотой гильдией.

– Она закончится ничем, как и все остальные твои встречи. Я-то думала, ты хочешь накормить свой народ, Мерик.

В его груди начало разгораться пламя.

– Никогда, – прорычал он, – не сомневайся в моем желании накормить Нубревнию.

– Ты утверждаешь, что хочешь этого, но когда я предлагаю тебе способ добыть еду – способ преподать империям урок, – ты не спешишь ухватиться за этот отличный шанс.

– Потому что то, что ты предлагаешь, – это банальное пиратство.

Мерику было трудно смотреть на Гермину, пока колдун передавал слова Вивии.

– Я предлагаю уравнивать шансы. И позволь напомнить тебе, Мерри, что, в отличие от тебя, я уже не раз бывала на встречах на высшем уровне. Я видела, как империи топчут нас каблуками. Фигурка корабля поможет нам. Все, что от тебя требуется, – это сообщить мне, когда торговый корабль окажется у побережья Нубревнии, и тогда я сама сделаю всю грязную работу.

То есть она перебьет всех. Мерику пришлось призвать на помощь все свое хрупкое самообладание, чтобы не выкрикнуть это прямо в лицо Вивии... В этом не было смысла. Между ними – два колдуна голоса и сотни лиг.

Он пожал плечами. Потом еще раз.

– Что, – наконец продолжил он, – отец говорит по этому поводу?

– Ничего. – Гермин уронил это точно так же, как сделала бы Вивия. – Отец на грани смерти, он молчит, как и тогда, когда ты ушел. Почему он решил назначить тебя посланни-

ком и адмиралом, я никогда не пойму... Но, похоже, это работает нам на пользу, ведь у нас появилась возможность, Мерри.

– Возможность, которая удачно вписывается в твою стратегию по созданию собственной империи, верно?

Пауза.

– Справедливость должна восторжествовать, дорогой *младший брат*. – Теперь в словах Вивии прозвучали резкие ноты. – Или ты забыл, что империи сделали с нашим домом? Великая война закончилась для них, но не для нас. Самое меньшее, что мы можем сделать, – это отплатить им, начав с благородного пиратства.

При этих словах жар в груди Мерика чуть не вырвался наружу. Он сжал кулаки. Будь парень рядом с Вивией, выпустил бы эту бурю на волю – ведь в жилах сестры кипела такая же ярость.

Когда Мерик был еще ребенком, отец был уверен, что из сына вырастет могущественный колдун, такой же, как старшая сестра. В постоянных истериках и срывах мальчика он видел проявление великой ведовской силы. Поэтому в семь лет принц был отправлен на экзамен по ведовству.

Однако эмоциональность Мерика не оказалась признаком силы. Его едва сочли достойным ведовского знака на запястье, и король Серафин едва смог скрыть свое разочарование перед экзаменационной комиссией.

В то же утро, когда Мерик ехал в карете обратно в королевский дворец и на тыльной стороне его запястья горел знак в виде несимметричного алмаза, он понял, насколько глубоким было отцовское отвращение. Слабый принц не может принести пользы королевской семье. Мерика должны были отослать к какой-то тетке, такому же изгою в семье Нихар, жившей на родовых землях где-то на юго-западе.

– Ты забываешь, – произнес Гермин все еще от лица Вивии, – кто станет правителем, когда отец умрет. Может, сейчас ты и обладаешь властью, но ты лишь адмирал и только на время. Я стану королевой и адмиралом, когда сон воды окончательно заберет отца.

– Я знаю, кем ты станешь, – тихо произнес Мерик, и его гнев отступил перед лицом холодного страха.

Королевой Вивией. Адмиралом Вивией. Вивией, отправляющей нубревнийцев на гибель, как ягнят на заклание. Крестьяне и солдаты, торговцы и матросы, они будут гибнуть от карторранских мечей или сгорать в марстокийском огне, в то время как сама Вивия будет спокойно наблюдать за этим.

И единственный план Мерика – это восстановить торговлю и доказать Вивии, что существуют мирные способы прокормить нубревнийцев... Этот план провалился.

Сейчас она поднимет флаг Лисиц и ввергнет всю страну в ад.

Пока в разговоре повисла пауза и Мерик лихорадочно искал выход из этого кошмара, в дверь постучали.

Райбер, повязанная сестра Каллена, просунула голову в каюту.

– Адмирал? Простите, что прерываю вас, сэр, но это срочно. К вам пришел человек. Он говорит, что его зовут Фон... – Ее лицо напряглось от усилий. – Фон *Гасстрель* – так, кажется. Из Карторры. И он хочет обсудить с вами возможную торговлю.

Мерик почувствовал, как у него чуть не отвисла челюсть. Торговать... с Карторрой? Это казалось невозможным, но Райбер продолжала вопросительно смотреть на него.

Похоже, сам Ноден вмешался в их дела и сделал это именно в тот момент, когда Мерик больше всего нуждался. Парень не мог проигнорировать такой подарок, поэтому быстро повернулся к Гермину.

– Вивия, – рявкнул он, – я помогу тебе, но при одном условии.

– Я слушаю.

– Если я смогу договориться о торговле с Нубревнией, ты забудешь про это свое пиратство. Немедленно.

Пауза.

И наконец прозвучал ответ:

– Хорошо, Мерри. Если ты каким-то образом наладишь торговлю, я... рассмотрю возможность спустить флаг Лисиц. А теперь скажи мне, где сейчас находится дальмоттийский корабль?

Мерик не смог удержаться от лукавой улыбки, глядя на карту. Мини-корабль как раз покидал болотистую бухту Веньясы.

– Еще не отплыл, – заявил он, и в груди зашевелилось что-то радостное и полное надежды. – Но я сообщу, как только это произойдет. Гермин, – Мерик хлопнул по плечу колдуна голоса. Старый моряк вздрогнул. – Можешь заканчивать разговор. Райбер? – парень бросил взгляд на дверь и улыбнулся еще шире. – Немедленно приведи эту фон Гасстрель.

После ванны Сафи последовала за незнакомой горничной с каштановыми волосами обратно в спальню и оделась в серебристо-белое платье, которое выбрал Мэтью. Потом служанка завила волосы Сафи и уложила локоны, что подпрыгивали при ходьбе и красиво блестели в лучах заката, в сложную прическу.

Сафи уже и забыла, каково это, когда тебя одевают и укладывают волосы. Такого с ней не случалось вот уже семь лет. Дядя Эрон мог себе позволить держать в поместье Гасстрель всего горстку слуг, и поэтому личная служанка полагалась Сафи только во время ежегодных поездок в Прагу.

Может, дядя Эрон и был, только боги знают, по какой причине, бывшим членом Адских Алебард в опале, может, его и приставили опекуном к племяннице, пока не найдут для нее кого-то получше, но он все равно должен был платить десятину, как того требовал Генрик. Каждый год Эрон и Сафи отправлялись в столицу Карторры, чтобы передать свои скудные средства и поклясться в верности императору Генрику.

И каждый год это было одинаково *ужасно*.

Сафи всегда оказывалась выше всех мальчишек, да и сильнее тоже, а другие девочки шептались о пьяном дяде Сафи и хихикали над ее платьями устаревших фасонов.

Но не стыд делал эти поездки такими ужасными. Это был страх.

Страх перед Адскими Алебардами. Страх, что они разглядят в Сафи еретичку, которой она и была, – *ведьму правды*.

Если бы не принц Леопольд – или Полли, как обычно называла его Сафи, – который брал ее под свое крыло каждый раз, когда она приезжала, Адские Алебарды уже поймали бы ее. В этом девочка была уверена. В конце концов, в обязанности бригады входило отслеживание еретиков – незарегистрированных колдунов.

И по приказу Короны им разрешалось обезглавливать еретиков, если они казались опасными или не желали сотрудничать.

Полли наверняка будет там сегодня вечером, решила Сафи, внимательно изучая себя в узком зеркале рядом с кроватью. Прошло восемь лет с тех пор, как она в последний раз сбежала с приема вместе с принцем, чтобы исследовать обширную императорскую библиотеку. Она все пыталась представить, как длинные бледные ресницы и ниспадающие золотистые локоны Полли будут выглядеть теперь, когда ему исполнился двадцать один год.

Сафи определенно выглядела иначе, и светлое платье не скрывало это. Туго затянутый корсет подчеркивал талию и ягодицы, узкие длинные рукава демонстрировали изящные тонкие руки, облегаящий лиф приподнимал те немногие изгибы, которыми она обладала, а пышные юбки смягчали излишне прямую линию бедер, придавая им женственную округлость.

Тугие локоны, обрамляющие лицо, привлекали внимание к ее точеному подбородку и сверкающим глазам.

Гильдмейстер Аликс и его подручные на этот раз действительно превзошли сами себя.

Как только горничная ушла, положив на кровать потрепанную белую накидку, Сафи бросилась к своему мешку и достала книгу Изольды о монастыре Кар-Авена. С книгой в руках девушка подошла к окну, за которым вода в каналах под лучами заходящего солнца казалась жидким пламенем.

Синяя обложка отливала розовым, и, когда Сафи с усилием открыла книгу, том распахнулся на тридцать седьмой странице. Там лежала бронзовая монета с вычеканенным на ней крылатым львом. Место, где Изольда закончила чтение в последний раз.

Сафи быстро проглядела текст – там перечислялись ранги монахов Кар-Авена.

Дверь в спальню распахнулась. Сафи успела засунуть книгу обратно в мешок, прежде чем в комнату ворвался дядя.

Дон Эрон фон Гасстрель был высоким мужчиной, мускулистым и крепко сложенным, совсем как Сафи. Но, в отличие от девушки, его пшеничные волосы успели стать серебристо-седыми, а под налитыми кровью глазами виднелись темные синяки. Если раньше он выглядел закаленным солдатом, то теперь стал просто пьяницей.

Эрон остановился в нескольких шагах от нее и почесал макушку. Волосы немедленно взлохматились и теперь торчали в разные стороны.

– Ради Двенадцати, – проворчал он, – ты чего такая бледная? Выглядишь так, словно тебя настигла Пустота. – Эрон задрал подбородок, но Сафи заметила легкую неуверенность в его позе. – Ты, должно быть, нервничаешь из-за сегодняшнего бала.

– Как и ты, – сказала девушка. – Иначе с чего так напиваться перед приемом?

Губы Эрона растянулись в улыбке – на удивление, вежливой улыбке.

– Ну вот и вернулась племянница, которую я помню.

Мужчина подошел к окну, устремил взгляд на улицу и принялся возиться с тонким золотым ожерельем, которое всегда носил на шее.

Сафи закусил губу, чувствуя, как это всегда было при виде дяди Эрона, глубокую тоску. Хотя в жилах девушки тоже текла голубая кровь Гасстрелей, они с дядей оставались чужими друг другу людьми.

И когда Эрон был пьян – а он бывал пьян чаще, чем трезв, – ведовской дар Сафи молчал. Она не чувствовала в нем ничего: ни правды, ни лжи, ни какой бы то ни было реакции – словно то, кем Эрон мог быть, смывалось, как только вино начинало течь в его крови.

Между ними всегда была и будет каменная стена молчания.

Расправив плечи, Сафи подошла к Эрону.

– Так зачем я здесь, дядя? Мэтью сказал, что вы планируете вмешаться в ход Великой войны. Как именно ты собираешься это сделать?

Эрон хрипло рассмеялся:

– Значит, Мэтью проговорился, да?

– Тебе нужен мой ведовской дар? – упрямо продолжала Сафи – И зачем? Какая-то пьяная затея, чтобы вернуть звание бригадира Адских Алебард?

– Нет. – Тон его был твердым и непреклонным. – Это не пьяная затея, Сафия. Совсем не так.

Эрон взял стакан, и старые шрамы от ожогов на костяшках его пальцев побелели.

Сафи ненавидела эти шрамы. В детстве она миллион раз видела их, например, когда дядя хватался за кувшин вина или щипал шлюху за мягкие места. Эти шрамы – единственный след прошлого, о котором знала Сафи, и, каждый раз видя их, она начинала бояться будущего. А что, если она такая же, как дядя? С такой же неутолимой тягой к тому, чего невозможно достичь?

Эрон хотел вернуть свое достоинство.

Сафи жаждала свободы.

Свободы от своего титула, от дяди и от промерзших насквозь залов поместья Гасстрель. Свободы от страха перед Адскими Алебардами и того, что ей могут отрубить голову. Свободы от своего ведовского дара и от всей Карторранской империи.

– Ты не представляешь, что такое война, – произнес Эрон задумчиво, так, словно его мысли блуждали в прошлом, где были получены эти шрамы. – Армии уничтожают деревни, флоты топят корабли, колдуны огня сжигают людей силой мысли. Всех, кого ты любишь, отнимают, Сафи... и убивают. Но ты сможешь все это увидеть. В слишком ярких подробностях – если не сделаешь то, о чем я прошу. А потом можешь уйти навсегда.

В комнате повисла пауза. У Сафи от удивления открылся рот.

– Я могу уйти?

– Да. – Эрон почти грустно улыбнулся и снова принялся возиться со своим ожерельем.

Когда он заговорил снова, в груди Сафи вспыхнули первые искры счастливого тепла от ощущения правды.

– После того, как изобразишь беззаботно танцующую и пьющую вино юную донью, – подтвердил он, – и сделаешь это так, чтобы все в империях тебе поверили... Ну а после этого ты будешь совершенно свободна.

Свободна. Это слово повисло в воздухе, как завершающая нота мощной симфонии.

Сафи попятилась назад. Это было больше, чем мог вместить ее разум, больше, чем могло проверить ее ведовство. Слова Эрона дрожали и горели правдой.

– Почему, – осторожно начала Сафи, боясь, что неверное слово перечеркнет все сказанное дядей, – ты позволишь мне уйти? Предполагалось, что я стану следующей доньей фон Гасстрель.

– Не совсем. – Он поднял руку над головой и прислонился к стеклу. Все в его позе было до странности грустным, а ожерелье, снятое с шеи, болталось между пальцами. – Титулы скоро перестанут иметь значение, Сафи, и, скажем прямо, ни ты, ни я никогда не ожидали, что ты действительно будешь управлять поместьем. Ты не очень-то приспособлена для таких дел.

– А что с тобой? – Девушка вздрогнула. – И зачем меня всю жизнь готовили, если ты и не собирався... Я могла просто уйти.

– Это был не мой план, – прервал ее Эрон, и его плечи напряглись. – Но все меняется, когда на горизонте маячит война. Кроме того, разве ты жалеешь о том, что тебя научили фехтовать или драться? – Дядя наклонил голову. – Твоя стычка с главой Золотой гильдии едва не разрушила все мои планы, но мне удалось спасти ситуацию. Теперь все, что тебе нужно сделать, – это вести себя как легкомысленная юная донья на протяжении одной ночи, и тогда твои обязанности будут выполнены. Навсегда.

Сафи прыснула со смеху:

– И это все? Это все, чего ты от меня хочешь? Все, что ты вообще хотел от меня? Прости, но я тебе не верю.

Эрон пренебрежительно пожал плечами:

– Ты и не обязана мне верить. А что говорит твой ведовской дар?

Дар Сафи подтверждал истинность всего сказанного, внутри по-прежнему нарастало ощущение тепла. И все же девушка никак не могла до конца поверить в происходящее. Все, чего она когда-либо желала, внезапно оказалось в ее руках. Выглядит слишком хорошо, чтобы быть правдой.

Эрон вскинул бровь, явно забавляясь недоумением Сафи.

– Когда куранты пробьют полночь, Сафи, то, что ты – ведьма правды, больше никого не будет волновать. Ты сможешь делать все, что тебе заблагорассудится, и вести такое же незамысловатое существование, как и раньше. Хотя... – Эрон сделал паузу, и его взгляд стал ост-

рым. От опьянения не осталось и следа. – Если бы ты захотела, Сафи, ты могла бы менять миры. Ты для этого отлично подготовлена, уж об этом я позаботился. Но, к счастью или нет, – мужчина развел покрытыми шрамами руками, – похоже, тебе не хватает амбиций.

– Если мне и не хватает амбиций, – прошептала Сафи, и слова вырвались сами собой, прежде чем она успела остановиться, – то это потому, что ты сделал меня такой.

– Это правда. – Эрон улыбнулся ей свысока, в улыбке сквозила искренность. – Не надо ненавидеть меня за это, Сафи. Скорее я заслуживаю твоей любви. – Его руки замерли. – Но не переставай *остерегаться* меня. Это и есть путь Гасстрелей. А теперь заканчивай одеваться. Мы отправимся в путь со следующим ударом курантов.

Не говоря больше ни слова, Эрон прошел мимо Сафи и вышел из комнаты. Сафи смотрела ему вслед. Она заставила себя следить за его бодрой походкой и широкой спиной.

На несколько секунд Сафи погрузилась в раздумья. Незамысловатая жизнь? Не хватает амбиций? Возможно, так оно и было, когда речь шла о жизни в промерзшем замке среди стаи жаждущих власти дворян и бдительных Адских Алебард, но не о жизни с Изольдой.

Сафи снова достала книгу об ордене Кар-Авена и раскрыла ее. Пиестра сияла, расцветая, как роза в лучах заката. Эта страница важна, и Сафи просто необходимо было выяснить почему...

Она провела пальцем по описанию монашеских рангов. Монах-наемник, монах-учитель, монах-стражник, монах-ремесленник... Ее пальцы остановились на монахе-целителе. Именно такая монахиня помогла Изольде, когда та покинула свое племя. Изольда заблудилась на перекрестке дорог к северу от Веньясы, и добрая целительница помогла найти дорогу.

А тот перекресток находился рядом со старым маяком, который девушки использовали как укрытие. Должно быть, повязанная сестра собирается покинуть Веньясу и вернуться в их старое убежище.

Сафи уронила книгу, закинула голову назад. Девушка не могла пока сбежать из города – сначала нужно пережить сегодняшний вечер. Она должна избавиться от колдуна крови и позаботиться о дяде. Тогда, не опасаясь преследования, она сможет отправиться на север и найти свою повязанную сестру.

Сафи резко выдохнула, опустила голову и повернулась к зеркалу. Эрону нужна была послушная донья, не так ли? Что ж, Сафи могла такой стать. Все ее детство карторранская знать видела в ней тихую, смущенную девчонку, которая, переступая с ноги на ногу, прячется за дядю.

Но сейчас Сафи была другой, а Адские Алебарды не имели права хватать людей в этой империи. Поэтому девушка выпятила грудь вперед, довольная тем, как платье подчеркивает ее плечи. Рукава задрались достаточно высоко, чтобы обнажить запястья и ладони, покрытые мозолями, как у солдата.

Сафи гордилась своими руками, и ей не терпелось увидеть, как высокомерные аристократы с отвращением уставятся на них. Ей хотелось, чтобы доны, что пригласят ее на танец, почувствовали, какие шершавые у нее пальцы. Совсем как песчаник.

Сафи была готова стать доньей Карторры на один вечер. Да она *императрицей* бы стала, если бы это позволило ей вернуться к Изольде и уйти от колдуна крови.

Один вечер, и Сафия фон Гасстрель будет свободна.

Глава 8

Изольда всматривалась поверх гривы украденного коня в наступающую темноту. Девушка одной рукой держалась за поводья, а другую подняла повыше, надеясь остановить кровь, что все еще капала из раны.

Канал рядом с ней светился оранжевым светом заходящего солнца, и обычная вонь Веньясы наконец-то начала исчезать, как и дневная жара. Еще немного, и Изольда вырвется за болотистые границы города, на заросшие травой луга, всегда напоминавшие о родине. Вокруг зазвонят комары, мухи станут пировать на боках коня.

Толпа, покидавшая город через восточные ворота, оказалась достаточно плотной, чтобы Изольда смогла незаметно выскользнуть из столицы. Как только дорога вокруг нее опустела, она пустила коня в галоп.

Кровь не останавливалась, так что девушка оторвала оборку от оливковой юбки и обмотала руку. Каждый раз, когда повязка пропитывалась кровью насквозь, Изольда отрывала следующий кусок, еще туже перетягивая рану. *Всего одна ночь*, повторяла она снова и снова, в такт галопу. Наконец, в двух лигах³ от городской черты, когда бока лошади уже потемнели от пота, девушка перешла на рысь. Ритм сменился: *одна ночь, одна ночь*.

В словах пульсировала отчаянная надежда на то, что Изольда не подвергла Сафи опасности, отправив ее к старому маяку. Импровизация никогда не была ее сильной стороной, а сообщение, переданное через Габима, вышло слишком спонтанным. Беспорядочным. Поспешным.

Наконец Изольда добралась до неприметной ольховой рощицы и замедлила ход коня, а потом соскочила с седла. Бедрa заныли, поясница застонала. Она не ездила верхом уже несколько недель, а в таком темпе – несколько месяцев. Девушка все еще слышала, как стучат ее зубы в такт галопу. А может, это был стрекот цикад в белых зарослях.

Хотя со стороны казалось, что Изольда бредет почти наугад, петляя в траве, словно по следу дичи, на самом деле она шла по тропе, проложенной номатси, а значит, полной ловушек.

Девушка замедлила ход. Она старалась разглядеть все метки, чтобы вовремя расшифровать их. Воткнутая в землю палка означала медвежий капкан с когтями на следующем повороте тропы. Скопление диких цветов слева означало, что впереди развилка – если свернуть на восток, дорога приведет в ядовитый туман, на запад – к поселению.

Она доберется до конца, а вот колдун крови потеряет ее след. И тогда, переждав несколько часов за толстыми стенами поселения, Изольда сможет вернуться к Сафи.

Хотя империя Дальмотти формально позволяла кочевникам народа номатси жить, как им заблагорассудится, – при условии, что их караваны держались не менее чем в четырех лигах от любого города, – они, в глазах закона, считались не более чем животными. У них не было никакой правовой защиты, а вот ненависти со стороны дальмоттийцев хватало. Так что сказать, что родное племя Изольды, мидензи, настороженно относилось к чужакам, значило сильно преуменьшить действительность. К тому же мидензи пока было единственным племенем, которое осело и прекратило кочевать. Ее сородичи нашли относительно безопасное место для себя и тщательно охраняли его от всех прочих.

Стены были толстыми, лучники – меткими, и, если бы колдун крови смог каким-то образом забраться достаточно далеко по тропе, он бы обнаружил, что его грудь утыкана сотней стрел.

Мидензи старались не только не впускать чужих, но и не выпускать своих. Если ты покидал поселение, то становился чужаком – судьба, которая ужасала любого номатси, даже Изольду.

³ 1 сухопутная лига = 4827 м.

Наконец показались дубы, скрывавшие стену, возведенную вокруг поселения, черные и грозные в темноте ночи. Для Изольды наступил последний шанс развернуться и убежать. Она все еще могла провести остаток жизни, больше не встречаясь с родным племенем, хотя, учитывая, что за ней гнался колдун крови, остаток этот мог оказаться совсем коротким.

Луна поднялась на востоке, и Изольда оказалась полностью на виду. Она заплела косу и спрятала ее под платком. У кочевниц волосы едва доставали до плеч, а у нее они спадали до середины спины, так что стоило их скрыть.

– Имя, – слышалось на языке номатси.

Слева от Изольды мелькнула стальная нить, означавшая враждебность, а среди деревьев показались слабые очертания лучников.

Она покорно подняла руки, надеясь, что повязка на ладони не слишком заметна.

– Изольда, – крикнула она. – Изольда-из-мидензи.

Зашелестели листья, затрещали ветки, нити зашевелились и задвигались – это стражники собирались вместе, чтобы посоветоваться и принять решение. Мгновения ползли с мучительной медлительностью. Сердце Изольды билось о легкие, его стук эхом отдавался в ушах, конь нервно вскидывал голову. Его давно уже следовало растереть после скачки.

Ночное небо расколол крик. Сбоку взлетели два воробья.

Потом раздался еще один крик, слишком знакомый. Изольде показалось, что она падает прямоком с горной вершины, теряя сознание, а земля стремительно приближается к ней.

«Покой, – скомандовала она где-то глубоко внутри себя, – покой повсюду. От кончиков пальцев рук до кончиков пальцев ног».

Но покой никак не приходил. Наконец раздался скрежет огромных ворот. По земле застучали ноги, и к ней устремилась фигура в черном одеянии.

– Изольда! – выдохнула ее мать. По лицу женщины текли слезы, как и у девушки. Конечно, это были фальшивые слезы, ведь ведьмы нитей не плачут, а Гретчия была самая настоящая ведьма нитей.

У Изольды оказалось достаточно времени, чтобы понять, какой маленькой была на самом деле ее мать – она едва доставала макушкой до носа дочери. Женщина сжала ее в объятиях, от которых затрещали ребра, и в голове Изольды осталась всего одна мысль. Вот бы колдун крови оставался где-то очень, *очень* далеко...

Путь сквозь залитое лунным светом поселение мидензи оказался одновременно и легче, и труднее, чем Изольда ожидала.

Легче, потому что все казалось каким-то маленьким, хотя совсем не изменилось за те три года, что она отсутствовала. Деревянные стены, окружавшие поселение, были такими же обветренными и серыми, как она помнила, но теперь они не казались такими уж непреодолимыми. Просто... высокими. Если бы не тропа номатси и лучники на деревьях, стена стала бы для колдуна крови не более чем временным препятствием.

Круглые хижины, сложенные из камней, таких же коричневых, как и грязь, на которой они стояли, выглядели как миниатюры. Игрушечные дома с узкими, низкими дверями и закрытыми окнами.

Даже дубы, которые росли по всему поселению площадью пятнадцать акров, стали куда тоньше, чем помнила Изольда. Теперь они не выглядели достаточно большими и крепкими, чтобы она рискнула вскарабкаться на них, как когда-то в детстве.

Труднее, чем предполагала Изольда, оказалось столкнуться с людьми. Точнее, с их нитями. Пока она шла за матерью к ее дому в центре поселения, всюду распаивались ставни и за ними показывались любопытные лица. Но видимые глазу нити казались какими-то провисшими, словно старые, истрепанные после частых стирок полотенца.

Изольда вздрагивала каждый раз, когда кто-нибудь выглядывал из-за угла или открывал дверь. И каждый раз она замечала, как внимательно изучают ее лицо, освещенное лунным светом.

Это было бессмысленно. Ее что, не узнают? В племени появились новые люди? И что с нитями, почему они потускнели настолько, что их стало трудно разглядеть?

Когда Изольда наконец добралась до круглой хижины матери, родной дом показался ей таким же странно крошечным, как и все остальное. Хотя в хижине Гретчии лежали те же оранжевые ковры на тех же дощатых полах, что и в детстве Изольды, все было слишком маленьким.

Рабочий стол, который когда-то доходил ей до пояса, теперь достигал лишь середины бедра, как и обеденный стол на восточной стороне от очага. За печью был люк, ведущий в вырытый в земле подпол. Он выглядел настолько узким, что Изольда засомневалась, что пролезет в него.

Те два раза, когда она приезжала сюда – всего на одну ночь, – подпол казался мрачным и низким, особенно по сравнению с высоким чердаком Мэтью. И после того, как у нее появилась собственная кровать, единственное в хижине ложе, которое Изольда раньше делила с матерью, стало ей тесным. Сковывающим.

– Идем.

Гретчия схватила Изольду за запястье и потащила к четырем низким табуретам вокруг печи, которые всегда стояли в доме ведьмы нитей. Изольде пришлось подавить желание вырваться из рук матери. Прикосновения Гретчии оказались еще холоднее, чем она помнила.

И, конечно, мать не заметила окровавленной повязки на ладони дочери – а может, просто не придавала этому значения. Изольда не могла уловить эмоции матери, потому что ведьмы нитей не видели нитей друг друга. А Гретчия умела скрывать свои чувства куда лучше, чем это удавалось самой Изольде.

Однако в свете очага Изольда смогла разглядеть, что за три года лицо ее матери почти не изменилось. Возможно, она похудела, а вокруг рта появилось несколько новых морщин, но это было все.

Наконец Гретчия отпустила запястье Изольды, подхватила стоявший неподалеку табурет и поставила его перед печью.

– Садись, а я пока положу боргши. Мясо сегодня козье – надеюсь, оно все еще тебе по вкусу. Рык!!! Сюда! Рык!

У Изольды перехватило дыхание. Рык. Ее старый пес.

Шлеп-шлеп-шлеп... На лестнице, ведущей в хижину, послышался шум, и в дверях появился старый, облезлый пес.

Изольда соскользнула с табурета, ее колени ударились о ковер, а по телу разлилось радостное тепло. Она раскрыла объятия, и древняя рыжая гончая кинулась к девушке, прижалась к ней, уткнулась седой мордой в волосы.

«Рык», – подумала Изольда, боясь произнести имя вслух: она наверняка снова бы начала заикаться от неожиданного всплеска эмоций. Противоречивых эмоций, сквозь которые так не хотелось продираться и которые не хотелось понимать. Если бы Сафи была здесь, она бы сразу сказала, что именно чувствует Изольда.

Девушка почесала длинные уши Рыка. Кончики их были в чем-то испачканы.

– Т-ты что, ел б-боргшу?

Изольда вернулась на табурет, продолжая гладить пса по морде и стараясь не замечать, какими мутными стали его глаза и какой седой – шерсть.

И тут раздался мелодичный голос:

–Надо же, ты *действительно* дома!

Пальцы Изольды замерли на шее Рыка. В глазах затуманилось, все вокруг, включая морду собаки, стало каким-то размытым. Может, если просто не замечать Альму, она исчезнет?

Не получилось. Альма вошла и сразу кинулась к Изольде. Как и Гретчия, она была одета в традиционный наряд ведьмы нитей: черное платье с широкими рукавами, облегающее грудь, но свободно ниспадающее на бедра и ноги.

– Лунная Мать, это же Изольда! – Альма вскинула голову и удивленно захлопала длинными ресницами, обрамлявшими ее зеленые глаза. – Ты стала так похожа на Гретчию!

Изольда ничего не ответила. У нее перехватило горло... Наверное, из-за злости. Ей никогда не хотелось быть похожей на Гретчию, настоящую ведьму нитей, какой никогда не станет сама Изольда. Еще она терпеть не могла, когда Рык вилял хвостом кому-то другому. А тут он уткнулся в колени Альме. Отвернулся от Изольды.

– Ты превратилась в женщину, – добавила Альма, опускаясь на табурет.

Изольда кивнула, бросив взгляд на молодую ведьму. Альма тоже превратилась в женщину. Красивую, что не удивительно. Ее угольно-черные волосы длиной до подбородка были густыми, блестящими... правильными. Талия – тонкой, бедра – округлыми, а фигура – женственной и... *совершенной*.

Альма, как всегда, была идеальным воплощением ведьмы нитей. Идеальной номатси. Но когда взгляд Изольды остановился на ладонях девушки, она увидела грубые мозоли.

Изольда перевернула ее ладонь.

– Ты упражнялась с мечом.

Альма бросила вопросительный взгляд на Гретчию, и та кивнула.

– С тесаком, – призналась Альма. – Несколько последних лет.

Изольда выпустила руку. Конечно, Альма упражнялась. И конечно, она в этом преуспела. А вот Изольде никогда не удавалось достичь совершенства, словно сама Лунная Мать следила за тем, чтобы Альма превосходила ее в любом умении, которое Изольда пыталась отточить. Альме все давалось... слишком легко.

Когда стало ясно, что она никогда не сможет создавать камни нитей или держать свои эмоции под контролем, из кочевавшего неподалеку от поселения племени привели маленькую девочку номатси, Альму, и объявили новой ученицей ведьмы. Когда-нибудь Гретчия станет слишком старой, чтобы возглавлять мидензи, и Альма сменит ее на этом посту.

У кочевников ведьмы нитей должны были объединять семьи, устраивать браки, подбирать друзей, распутывать слишком запутанные отношения. Альме предстояло заниматься всем этим вместо Гретчии, используя свой безупречный ведовской дар.

– Твоя рука! – вдруг заметила Альма. – Ты ранена!

– Все в порядке, – солгала Изольда, пряча руку в складках юбки. – Кровь уже не идет.

– Все равно обработай, – приказала Гретчия тоном, не терпящим возражений.

Кончик носа Изольды дернулся. Перед ней стояли сразу две женщины, чьих нитей она не видела. Девушка хотела попросить несколько минут покоя, чтобы понять и принять все – возвращение домой, преследование колдуна крови, немыслимые совершенства Альмы... Но тут в дверь просунул голову темноволосый мужчина.

– Добро пожаловать домой, Изольда.

У нее по спине побежали мурашки.

– Корлант, – начала она, но мужчина прервал ее, окончательно ввалившись в хижину.

Корлант-из-мидензи почти не изменился с тех пор, как Изольда видела его в последний раз. Волосы его поредели, на висках пробивалась седина, а морщины над бровями были такими же глубокими, как и раньше – параллельные складки, из-за которых он всегда выглядел чуть удивленным.

Сейчас на его лице читалось искреннее удивление: брови были приподняты, а глаза блестели. Он внимательно всматривался в лицо Изольды. Мужчина подошел вплотную, и Гретчия даже не шевельнулась, чтобы его остановить. Альма же вскочила на ноги и шикнула на Изольду:

– Встань.

Изольда поднялась, хоть и не поняла, почему должна это делать. Во главе племени стояла Гретчия, а не этот пурист с медовыми речами, который сеял раздор среди соплеменников все детство Изольды. Никто не был обязан вскакивать перед Корлантом.

Он остановился, в его нитях замелькал зеленый оттенок любопытства и коричневый – настороженности.

– Помнишь ли ты меня?

– Конечно, – ответила Изольда, сжимая руки в кулаки в складках юбки и задирая подбородок выше, чтобы достойно встретить его взгляд. В отличие от остальных членов племени, он остался таким же высоким, каким она его помнила, и даже носил ту же грязно-коричневую мантию и ту же потускневшую золотую цепь на шее.

Весьма неудачная попытка походить на пуристского священника. К этому времени Изольда достаточно нагляделась на настоящих пуристов, прошедших обучение в своих общинах, чтобы понимать, насколько Корлант не похож на них.

Однако это не отменяло того факта, что Альма и Гретчия выказывали ему все возможное почтение. Женщины обменивались напряженными взглядами за его спиной, пока он разглядывал Изольду. Корлант прохаживался вокруг нее, блуждая взглядом по фигуре девушки. От этого волосы на ее руках вставали дыбом.

– На тебе печать внешнего мира, Изольда. Почему ты вернулась?

– На этот раз она останется, – вмешалась Гретчия. – Она снова станет моей ученицей.

– Так ты ждала ее? – Нити Корланта потемнели от гнева. – Ты ничего не говорила об этом, Гретчия.

– Мы не были уверены, – вмешалась Альма, сияя от радости. – Ты же знаешь, Гретчия не любит никого волновать понапрасну. От этого нити в поселении путаются.

Корлант хмыкнул и перевел взгляд на Альму. Его нити подернулись рябью легкой настороженности, а в глубине их затаился похотливый сиреневый. Потом его взгляд устремился на Гретчию, и вожеление вырвалось наружу.

Желудок Изольды сжался. Она не замечала ничего такого, когда уходила из племени. В детстве она считала Корланта занудой. Он вечно твердил об опасностях, что таились в ведовстве. Утверждал, что истинная преданность Лунной Матери заключается в том, чтобы отречься от ведовского дара. Искоренить магию.

Но Изольда не обращала на него внимания, как и все в племени. Да, Корлант околачивался возле их хижины и умолял Гретчию о внимании. Он даже просил ее стать его женой, хотя ведьма не могла выйти замуж. В племени номатси пожениться могли только те, кого связывали нити сердца, а у колдуний их не было.

Поначалу Гретчия просто не замечала ухаживаний Корланта. Потом она воззвала к его разуму, сослалась на законы номатси и самой Лунной Матери. К тому моменту, как Изольда сбежала из племени, Гретчия стала запираť двери на ночь и даже платить нескольким мужчинам, чтобы они не подпускали к ней эту змею Корланта.

Когда Изольда приезжала сюда в последний раз, Корланта уже не было, и она решила, что пурист уехал навсегда. Оказывается, это было не так и ситуация явно изменилась к худшему. Каким-то образом Корлант одержал верх.

– Я оповестил племя о прибытии Изольды, – сказал Корлант, вытягиваясь во весь свой немалый рост. Его голова почти доставала до потолка. – Церемония приветствия вот-вот начнется.

– Как мудро с твоей стороны, – сказала Гретчия, но Изольда заметила, что подбородок матери дрогнул.

Гретчия была напугана. *По-настоящему* напугана.

– Меня так потрясло возвращение Изольды, – продолжала Гретчия, – что я совсем забыла о церемонии. Придется ее переодеть...

– Нет, – возразил Корлант. Он снова повернулся к Изольде, его взгляд стал жестким, а нити налились мрачной враждебностью. – Пусть племя увидит ее такой, какая она есть, испорченной внешним миром.

Он дернул девушку за рукав ученической куртки, и Изольда заставила себя склонить голову.

Может, она не видела нитей матери и Альмы, но эмоции Корланта разбирала отлично. Ему были нужны покорность Изольды и полный контроль. Так что девушка сделала неловкий реверанс и тут же неестественно застонала, прижимая руки к животу.

Это прозвучало ужасно, и на короткое мгновение Изольда отчаянно пожелала, чтобы рядом с ней была Сафи. Повязанная сестра без проблем справилась бы с этим.

Но если Альма и услышала фальшь в ее стоне, то никак этого не показала. Она бросилась к девушке.

– Ты больна?

– Дело в моем лунном цикле, – прохрипела Изольда и в упор посмотрела на Корланта. Его нити, к немалой ее радости, побледнели от отвращения. – Нужно сменить тряпки для выделений.

– Вот бедняжка! – воскликнула Альма. – У меня есть отвар из листьев малины.

– Нужно сжечь окровавленные тряпки и надеть свежее белье, – подхватила Гретчия и тоже посмотрела на Корланта, который уже направился к выходу. – Прошу, закрой дверь, когда будешь уходить, почтенный Корлант. Мы скоро прибудем на церемонию приветствия. Еще раз спасибо за то, что ты сообщил племени о возвращении Изольды.

Брови Корланта взлетели вверх, но он не стал спорить и не произнес ни слова, только выскользнул наружу и с силой захлопнул за собой дверь. Судя по темным следам на ней, засов когда-то был, но потом его сняли.

– Хорошая мысль, – прошептала Альма. В ее тоне не осталось и следа былой радости. – Ты же не на самом деле...

Изольда покачала головой. Гретчия с силой сжала ей руку.

– Нужно действовать быстро, – сказала она. – Альма, принеси одно из своих платьев и лечебную мазь, что сделал колдун земли. Изольда, снимай платок, надо разобраться с твоими волосами.

– Что происходит? – Изольда постаралась, чтобы ее голос звучал ровно, несмотря на усиливающуюся боль под ребрами. – С каких пор Корлант здесь главный? И почему ты зовешь его *почтенным* Корлантом?

– Ш-ш-ш, – прервала ее Альма. – Разговаривай тише.

Она быстро откинула люк и нырнула в подпол.

Гретчия потащила Изольду к своему рабочему столу.

– Все изменилось. Теперь этим племенем управляет Корлант. Он использует магию, чтобы...

– Магию? – изумилась Изольда. – Он же пурист!

– Не совсем. – Мать уже рылась среди камней и катушек разноцветных нитей в поисках боги знают чего. – С тех пор как ты уехала, правила стали строже. Все вокруг в ужасе. Ходят слухи о Кукольнице, а еще было несколько распадающихся. Корланту удалось окончательно подчинить себе племя. Он питается людскими страхами, раздувает их.

Изольда недоуменно подняла глаза:

– Что еще за Кукольница?

Мать не ответила. Ее взгляд наконец-то остановился на том, что она искала: ножницы. Гретчия схватила их.

– Нужно тебя постричь. Ты... выглядишь как чужачка, а если верить Корланту, то и как Кукольница. Слава Лунной Матери, тебе хватило ума прикрыть голову, можно сделать вид,

что ты так и пришла, с короткими волосами. – Гретчия жестом велела Изольде сесть. – Мы должны убедить племя, что ты безвредна. Что ты не чужачка.

Гретчия, не дрогнув, выдержала взгляд Изольды. В хижине воцарилась тишина.

Изольда кивнула, соглашаясь и усиленно делая вид, что ей все равно. В конце концов, это всего лишь волосы, она всегда сможет снова отрастить их. Все равно ее старая жизнь в Веньясе закончилась, следовало отпустить ее. Волосы ничего не значат.

Так что она села, и ножницы отрезали первую прядь. Дело сделано. Назад пути не было.

– Корлант только притворялся пуристом, – начала Гретчия. Ее голос стал спокойнее, теперь он больше походил на тот, что с детства помнила Изольда. – Он – пустотник, колдун порчи. Я поняла это уже после того, как ты тут была в последний раз. Когда он рядом со мной, я вижу вокруг тускнеющие нити. Может, ты и сама это заметила.

Изольда кивнула, и по ее шее потекли ледяные струйки пота. Значит, потускневшие нити – дело рук Корланта. Она и не знала, что такое бывает.

– Когда я поняла, что он за чудовище, – продолжала Гретчия, – и увидела, как его сила высасывает мою, я подумала, что могу использовать это как рычаг давления против него. Я пригрозила рассказать племени, кто он такой... Но он, в свою очередь, пригрозил полностью лишиться меня ведовского дара. В итоге я попала в свою же ловушку. Теперь каждый раз, когда Корланту что-то надо от меня, он угрожает разрушить мою магию.

Гретчия рассказывала обо всем так спокойно, словно речь шла о самых простых вещах – миске похлебки или просьбе одолжить Рыка на один день для охоты. Но Изольда понимала, о чем говорит мать. Она помнила, как Корлант прятался в тени курятника, чтобы втайне наблюдать на Гретчийей. Его пульсирующие пурпурные нити заставили Изольду слишком рано понять, что такое вожделение.

И лишь боги знают, что случилось бы с Изольдой, если бы она не сбежала в свое время из поселения. А что, если бы она оказалась в одной ловушке с мамой? Как близко она была к именно такому развитию событий?

Несмотря на шесть с половиной лет ненависти, которую тщательно и целенаправленно взращивала в себе Изольда, теперь она чувствовала себя так, словно ей в грудь вонзился нож. «Чувство вины», – подсказал рассудок. *И жалость к матери.*

Подумать только, оказывается, Корлант все это время был колдуном порчи, способным разрушить чужой ведовской дар с такой же легкостью, с какой Изольда могла разглядеть его нити. Еще одно ведовство, связанное с Пустотой, еще одна сказка, вдруг ставшая реальностью.

Изольда медленно выдохнула, стараясь не шевелиться, пока ножницы Гретчии продолжали петь свое «вжик-вжик-вжик».

– К-к-то, – начала она и сама удивилась, как дрожит ее голос. Она спиной чувствовала, как нахмурилась мать, и уже слышала в голове ее обычное: «Контролируй речь. Контролируй разум. Ведьма нитей не заикается». – Кто, – смогла продолжить девушка, – такая эта Кукольница?

– Какая-то молодая ведьма нитей. – Ножницы еще быстрее защелкали над головой Изольды. – Люди номатси из проходящих мимо караванов описывали ее по-разному, но было и много общего. Она не способна создавать камни нитей, не умеет контролировать свои эмоции, и она... покинула свое племя.

Изольда судорожно слотнула. Эта Кукольница и *вправду* была похожа на нее.

Гретчия продолжила:

– В отличие от нас, она черпает свои силы не из элементов, а из Пустоты. И она может управлять нитями распадающихся. Говорят, у нее под началом уже целая армия. В более мрачной версии слухов она способна оживлять мертвецов.

Волна холодного озноба пробежала по спине Изольды.

– Как?

– С помощью оборванных нитей, – тихо ответила Гретчия. – Говорят, она способна управлять распадающимися с помощью оборванных нитей. Подчинять их своей воле, даже когда они уже мертвы.

– Три черные нити распадающихся... – прошептала Изольда, и шелканье ножниц резко прекратилось. В эту минуту из подпола вылезла Альма, в одной руке у нее было черное платье, а в другой – несколько окровавленных тряпок. Она поспешила к печи и быстро открыла дверцу.

Гретчия встала перед Изольдой и посмотрела ей прямо в лицо.

– Что ты знаешь об оборванных нитях?

– Я видела их.

Глаза Гретчии расширились, лицо стало мертвенно-бледным.

– Ты никому не должна о таком рассказывать, Изольда. Никому. Мы с Альмой думали, что это выдумки. Что эта Кукольница, как и Корлант, просто запугивает людей.

У Изольды пересохло во рту.

– Так вы не видели эти нити?

– Нет. Хотя уже не раз видели распадающихся.

– Я не умею создавать камни нитей, – со злостью сказала Изольда, – так почему именно я оказалась способна видеть оборванные нити?

Гретчия замолчала, но потрепала Изольду по волосам, и мгновение спустя снова послышалось шелканье ножниц. Из печи повалил дым. Альма подошла к рабочему столу и выложила традиционный наряд ведьмы нитей – черное платье. Черный считался цветом, который получается при слиянии всех нитей. По воротнику, манжетам и подолу платья шел трехцветный узор: прямая пурпурная линия, символизирующая связывающие людей нити, волнистая, цвета шалфея – нити, которые только создаются, и пунктирная серая – для нитей, которые истончаются.

– Ты надолго? – шепотом спросила Альма.

– Только на одну ночь, – ответила Изольда, стараясь не вспоминать о колдуне крови. Племени хватало забот и без нее.

Она взяла с рабочего стола обломок неограненного красного камня. Рубин, а вокруг него – нить цвета заката, искусно уложенная в петли и узоры.

Чуть подальше лежал такой же камень. Не обошла Изольда вниманием и несколько сапфиров, и россыпь опалов на самом краю стола.

Только в доме ведьмы нитей подобные сокровища могли просто так валяться на столе. Но всякая ведьма безошибочно узнавала свои камни и даже могла их отслеживать. Ни один номатси не рискнул бы украсть что-то у ведьмы нитей.

– Что, нравится твой камень нитей? – спросила Альма. Она облокотилась о стол, но продолжала потирать бедра ладонями, словно они вспотели.

И ни разу Гретчия не сказала Альме: «Не тереби юбку руками. Ведьма нитей не суетится».

– Это Альма сделала, – заметила Гретчия.

Ну конечно. Изольде ни разу не удалось заставить камень нитей работать, Альма же создает вот такую красоту с легкостью.

– Я сделала, – подтвердила Альма, хотя в конце фразы неумовимо повис вопрос: «Сделала ли?»

Взгляд Изольды метнулся к ней.

– И с чего это ты сделала для меня камень нитей?

Изольда чувствовала, как ее лоб наморщился, а губы скривились. Наверняка на ее лице сейчас читалось крайне неуместное для ведьмы нитей выражение – неконтролируемая неприязнь. Изольда уже сто раз пожалела, что задала вопрос.

Альма вздрогнула, но тут же приняла невозмутимый вид и вытащила второй рубин, обмотанный розовой нитью.

– Это...

Она осеклась и взглянула на Гретчию, словно не зная, что сказать.

– Это подарок, – подсказала Гретчия. – Не надо робеть. Изольда хмурится только потому, что смущена и не может контролировать свои эмоции.

Лицо Изольды запылало. Жар очага? Или стыд?

– Но как ты смогла? – спросила она. – Я же ведьма нитей, как и ты. А значит, ты не видишь мои нити и не можешь привязать их к камню.

– Твоя... твоя мама... – начала Альма.

– Я показала ей, как это делается, – закончила Гретчия. Она бросила ножницы на рабочий стол и направилась к печи. – Скоро догорят тряпки, и Корлант вернется. Поторопись.

Изольда поджала губы. Слова матери ничуть не тронули ее.

– И тебе следовало бы выразить благодарность, – добавила Гретчия, глядя на пламя. – Рубин начнет светиться, если ты или повязанная с тобой Сафия окажетесь в опасности. Так вы даже сможете следить друг за другом на расстоянии. Не стоит легкомысленно относиться к такому подарку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.